

ВЫЖИВАЛЬЩИКИ .. СПАСЁННЫЕ

5

Константин Денисов

Выживальщики

Константин Денисов

Выживальщики 5. Спасённые

«Автор»

2021

Денисов К.

Выживальщики 5. Спасённые / К. Денисов — «Автор»,
2021 — (Выживальщики)

Представляю вашему вниманию пятую часть цикла "Выживальщики"! Судьба многих героев осталась пока неясной. Что с ними произошло, встретятся ли они вновь и какие новые вызовы готовит им судьба, можно будет знать из пятой книги сериала. Самое время узнать, что с ними произошло. Приятного чтения! Дорогие друзья! Чтобы не пропустить выход новых книг в этой серии, да и других произведений тоже (а они будут), рекомендую подписаться на мою страницу. Сделать это можно нажав на ссылку "Константин Денисов", рядом с названием книги, вы попадёте в мой профиль и там, рядом с именем будет большая кнопка "Подписаться на новинки". Это будет и для вас удобно, и поможет продвижению моих книг на Литрес. Заранее спасибо!

© Денисов К., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Константин Денисов

Выживальщики 5. Спасённые

Глава 1

Он открыл глаза. Потом закрыл. Потом опять открыл. Ничего не менялось. Мелькнула мысль, что он ослеп, но он её прогнал. «С чего это вдруг? Просто здесь темно. Кстати, где это здесь? Как я здесь очутился, и кто я вообще такой?» В голове была пугающая пустота. Хотя нет, не совсем. Была ещё боль. Страшная боль во всём теле. И как это он её сразу не заметил? Боль была очень сильной и заполнила собой всё сознание. Он застонал. Звук прозвучал глухо, как будто под водой. Или у него что-то со слухом? Он застонал ещё раз.

Неожиданно, где-то совсем рядом раздалось хихиканье. Сдавленное и довольно мерзкое. Кто-то сдерживался, чтобы не рассмеяться. Он попытался повернуться в ту сторону, тело пронзила ещё более острая боль, и сознание вновь его покинуло.

В следующий раз он очнулся, когда его куда-то тащили. Он лежал на чём-то мягком, по ощущениям, это были ветки деревьев, и на этих ветках его не очень деликатно волокли по земле. Ноги бились об камни, и каждый удар отзывался вспышкой боли. Он стиснул зубы, чтобы не закричать, но стон через них всё равно прорвался. В ответ раздалось всё то же хихиканье. На очередной кочке тело опять пронзила боль, и он вновь отключился.

Он ещё несколько раз приходил в себя, каждый раз понимал, что его по-прежнему тащат в темноте, каждый раз, после приступа боли терял сознание. В последний раз он отключился уже надолго. Хотя сам он этого и не знал. Для него время сейчас не существовало. Были только короткие просветления сознания, которые каждый раз заканчивались вспышками боли.

В следующий раз он пришёл в себя через четыре дня. Он лежал на чём-то твёрдом, боль была, но уже довольно приглушённая. Пошевелиться он практически не мог. Что-то мешало. Не мог даже повернуть голову. Казалось, что она привязана. Это было странно, но очень было на то похоже. Он открыл глаза. Прямо над ним, были пята фиолетовой растительности, вроде грибка, фрагментарно покрывающие потолок. Точнее не потолок, а свод пещеры.

Видел он плохо. Всё расплывалось в фиолетовой мути. Иногда удавалось немного сфокусироваться, но ненадолго. В голове происходило приблизительно, то же самое. Мутный туман, из которого он никак не мог выудить информацию. Никакую. Он не понимал ни что происходит, ни вообще, кто он такой. Это было очень страшно.

Мир с каждой минутой, медленно, но верно, становился чётче, в голове прояснялось, и хотя ответов на вопросы не прибавилось, по крайней мере, восприятие вернулось в норму. Он попытался проанализировать, что ему известно.

Результаты были... странные. Он был неизвестно кто, неизвестно где. Лежал в какой-то пещере, или месте, очень на неё похожем. Теперь уже не было сомнений, что он привязан. Очень крепко зафиксирован. Голова, руки, ноги, да и всё тело было опутано верёвками. Ещё он чувствовал какие-то накладки, они были везде: на руках, ногах, груди, шее...

Была тупая и повсеместная боль. Казалось, что болело вообще всё. Но если прислушаться к ощущениям, то это было не так, и при желании можно было разделить боль на зоны. Было очень сухо во рту и хотелось пить. А вот голода не было.

Он попытался вспомнить, что он вообще знает. Этого было не мало. Он очень хорошо представлял себе мир, в котором живёт. Цивилизацию, её устройство, даже новости последних дней, ну или тех, которые ему казались последними, он очень хорошо помнил. Но совершенно не помнил СЕБЯ в этом мире. Ни где он жил, ни чем занимался, ни даже как он выглядит, хотя о наличие зеркал и разнообразных средств записи он, естественно, знал. Единственное, что он мог о себе сказать, так это назвать свою половую принадлежность. Он не сомневался, что он мужчина. И всё!

Ещё смутно помнились последние события. Как он выплывал иногда из тумана, и каждый раз терял сознание от боли. Помнилось, как его тащили. Ветки! Он лежал на ветках! Это запомнилось особенно отчётливо.

С ним что-то произошло, и кажется, кто-то пытается оказать ему помощь. Но не очень квалифицированную. Знает он этого или этих кого-то или нет – тоже было загадкой. Вспомнилось мерзкое хихиканье во время его пробуждений.

Но если ему хотят помочь, то почему он связан? Может это и не помощь никакая, а совсем наоборот? Может он в плену? Может его похитили?

Про то, что люди могут потерять память, он помнил, и с ним случилось как раз это, тут сомнений не было. Но вот в остальном, были одни вопросы и почти никаких ответов.

Внезапно раздались шаркающие шаги. Кто-то приближался. Он скосил глаза в сторону, пытаясь разглядеть. Прямо над ним появилось лицо. Грязное, с немытыми космами старушечьё лицо.

– Очнулся? – сказала «старушка», хотя ему вдруг показалось, что не такая уж она и старая, просто запустила себя.

Он не ответил, потому что не нашёлся что сказать. Соглашаться с очевидным было бессмысленно, у него были куда более важные вопросы, но пока он судорожно выбирал самый важный, она схватила его за нижнюю челюсть, резко её оттянула и второй рукой начала запикивать в рот какую-то мякоть.

Он от неожиданности попытался не позволить ей это сделать, но не смог, она крепко и очень сильно держала его, а у него самого, как оказалось, нет ни силы, ни воли чему бы то ни было противиться. Он был совершенно немощен.

– Ишь, кочевряжиться начал, – хихикнула старушка, – было проще, пока был без сознания. Ел, как миленький, и глотал исправно. Ешь! – вдруг грубо сказал она, – я с тобой бороться не буду. Не для того я тебя спасала, чтобы отравить. Ешь, или умри! Будешь сопротивляться, перестану кормить.

Он послушался. Артачиться и впрямь не было смысла. Хотя то, что она пихала ему в рот, было жуткой горечью. Такой дряни он ещё не пробовал, насколько помнил, разумеется. Горло начинало спазмически сжиматься, стараясь не пропустить внутрь столь сомнительную и неприятную пищу.

Увидев, что сопротивляется уже не он сам, а его организм, старушка усмехнулась, и достав откуда-то из-за поля его зрения что-то деревянное, наклонила это над ним, и ему в рот полилась вода. Это оказалась миска из изгиба ствола дерева, очень грубой работы.

Мякоть во рту размокла и стала ещё гаже, но зато ему удалось её проглотить. Желудок тоже не воспринял это с радостью, и начал судорожно сжиматься. Он боялся, что его сейчас вырвет.

– Ничего, привыкнешь, – сказала незнакомка, – другого всё равно ничего нет. Вижу в твоих глазах много вопросов, но сейчас ещё не время. Оклемаешься, тогда поговорим. А нам есть о чём. Ты мне должен.

После этих слов она вышла из поля зрения, и он услышал удаляющиеся шаги. За всё время, он ей так ничего и не сказал, о чём теперь очень сожалел. Но она должна была вернуться. Не просто же так она его кормит, и он начал готовиться к разговору, как только стихли её шаги.

До того как она пришла в следующий раз, он успел поспать дважды. Делать ему всё равно было нечего, да и не мог он при всём желании, так как был связан.

Шаркающие шаги он услышал издалека. Дождавшись, пока она придёт, он сразу сказал:

– Кто вы?

– Ээээ, нет, дружок, спрашивать буду я. Потом, может, и тебе что-нибудь расскажу, но начнём с моих вопросов. И первый будет таким же. Кто ты такой? Говори правду, это важно.

Он немного подумал, и понимая, что такой ответ её не устроит, всё же сказал.

– Я не знаю. Точнее не помню. Вообще ничего. Не знаю где я, как сюда попал, да даже как меня зовут, не помню. Так что спрашивать меня, это только время терять. Я бы рассказал, но не могу. Это, правда, – закончил он, и попытался понять по выражению её лица, верит она ему или нет.

Ему казалось очень важным, чтобы она поверила. Получалось, что его жизнь была в её руках, и играть в опасные игры совершенно не хотелось. Она молчала и ничего не отвечала. Думала над тем, что он сказал.

– Я тебе верю, – наконец сказал она, – это всё осложняет, но ничего не меняет. Будем надеяться, что память к тебе вернётся. Возможно, это последствия шока. Я, конечно, почти не врач, – она захихикала собственной шутке, – но кое-какие медицинские знания у меня есть. Поступим так: пока лежи и выздоравливай, тебя сильно поломало, пускай кости срастаются, а там поглядим.

– Я поэтому привязан? – спросил он.

Этот вопрос её очень развеселил. Она начала опять хихикать, но почти истерично, взахлёб и молотила себя по коленям руками.

– А ты что, думаешь, чтобы не убежал? Или не напал на меня? Да если я тебя развяжу, ты всё равно встать не сможешь. У тебя же целых костей осталось раз-два, и обчёлся, – отсмеявшись, сказала она, – ладно, пора пообедать.

Он увидел в её руках горсть мякоти, которую она пихала в него в прошлый раз. Его передёрнуло. Пока не началось, он решил задать хоть один вопрос.

– Как вас зовут? Это секрет? – спросил он.

– Ну почему же? Называй меня Матильда, – чуть-чуть кокетливо ответила она, после чего опять своей цепкой рукой схватилась за нижнюю челюсть, и процедура кормления повторилась.

Так продолжалось много циклов сна и бодрствования. Старушка приходила регулярно. Исправно его кормила и поила. Потом начала осторожно ощупывать, на предмет срастания костей. Боль присутствовала в нём всё время, но была, как бы на заднем плане. Ещё он заметил, что она постепенно усиливалась, но после поедания этой гадости, которой она его пичкала, заметно притуплялась. Похоже, что в этой каше были какие-то обезболивающие. Хотя откуда им было взяться в этой пещере у этой запущенной старушки, было загадкой. Вряд ли тут поблизости была аптека. Хотя почему бы и нет? Он всё равно не имел понятия, где это – тут.

Разговаривали они мало. Ему рассказать было нечего, а она не хотела делиться информацией в одностороннем порядке. Оставалось только ждать.

Через некоторое время она отвязала ему голову, и он смог немного оглядеться. Это ему практически ничего не дало. Это была, как он и думал, пещера. Небольшая. Он лежал на небольшом плоском возвышении, кроме которого здесь ничего и не было.

Матильда, судя по всему, выбрала эту пещеру, как раз из-за этой своеобразной кровати. Приподняв голову и оглядев себя, он увидел, что не просто связан, а обвязан палками. Наверное, они выполняли роль шин, за неимением лучшего.

Самое неприятное во всём этом было то, что он был вынужден ходить под себя. Матильда напихивала туда что-то, вроде сухого мха, который впитывал всё, что из него выходило, а потом без тени брезгливости всё выгребала и меняла на новое. В такие моменты он закрывал глаза и старался вообще ни о чём не думать, смиренно ожидая, когда же это закончится. Ему было очень стыдно во время этой процедуры. Он понимал, что это не его выбор, что он в этом не виноват, что её он об этом даже не просил, но стыдно было всё равно.

– Ты очень долго лежишь, – как-то сказала она, – как бы у тебя пролежни не образовались. Будем делать массаж.

После этого она регулярно стала его частично переворачивать, подкладывая ветки и долго и старательно массировать мышцы. Только с началом этих процедур, он осознал, что лежит совершенно голый. Сначала этого было не понятно, потому что он был весь перемотан, и кое-где под верёвки были проложены тряпки, но это была не одежда. Это он понимал очень хорошо. Сверху Матильда его накрывала старыми и вытертыми шкурами, сшитыми в одеяло.

Его знаний о мире хватало, чтобы понять, что всё это не является нормой. Что люди живут не так. Что он находится в довольно экстремальных условиях. Но вот как он в них оказался, этого он не знал. Матильда тоже не спешила его просвещать.

После того, как он несколько раз обратился к ней по имени, она сказала:

– Нехорошо получается, ты со мной вежливо, по имени, а я с тобой так.

– Я бы назвал имя, но не помню, – сказал он.

– Это понятно, – она задумалась, – но если не помнишь настоящее, давай придумаем другое. А то ты, правда, какой-то безымянный.

В тот раз разговор на этом и закончился, но она о нём не забыла, и как оказалось, просто долго не могла выбрать, как его назвать. Наконец она пришла и торжественно объявила:

– Тебя будут звать Спас! – и уставилась на него, ожидая реакции.

А он смотрел на неё и не знал, как отреагировать. Не то чтобы имя ему не понравилось, он вообще не испытал никаких эмоций, как будто, ему было всё равно. Матильда даже немного расстроилась.

– Что? Не нравится? – спросила она и присела на край его ложа.

Он помолчал, ещё раз обдумывая свои чувства.

– Я не знаю, – наконец сказал он, – во мне ничего не отозвалось, наверное, потому, что это имя не моё. Но я не против, если ты меня будешь так называть. Ничем не лучше и не хуже чем все остальные.

Матильда тоже помолчала.

– Это не просто сочетание букв. У меня есть определённая надежда на тебя. Я хочу, чтобы ты кое-что сделал...

– Что именно? – спросил он.

– Пока рано говорить! – сказала она и резко встала, – то, что ты лишился памяти, всё сильно осложняет, но будем надеяться на лучшее. Либо на то, что память к тебе вернётся, либо на то, что ты сможешь мне отплатить за спасение и без памяти. Хотя я пока и не представляю, как у тебя это получится.

– Но заплатить мне придётся? – спросил он.

– Я не хочу, чтобы ты воспринимал это так. Я тебя спасла, и хочу, чтобы ты мне помог. Сам! По собственной воле! Захотел помочь, а не по принуждению, – сказала она неожиданно искренне.

– Так что я всё-таки должен сделать?

– Не время, – она отрицательно покачала головой, – ещё не время знать. Как выздоровеешь, оклемаешься, тогда и посмотрим. Сейчас я больше всего волнуюсь, чтобы ты смог ходить. Если ты будешь инвалидом, то пиши пропало. От тебя не будет никакой пользы. Здесь тебе самому не выжить, не то чтобы помочь кому-нибудь.

Он вздохнул, она опять увиливала и ничего не хотела говорить.

– Спас, так Спас. Пусть будет так, раз тебе нравится.

Её губы тронула лёгкая улыбка, и она на секунду помолодела лет на тридцать. Но тут же опять превратилась в старуху. Он подумал, что впервые видит, как она улыбается. Обычно от неё раздаётся мерзкое хихиканье, так она реагирует на юмор. А тут вдруг улыбка.

Дальше всё опять пошло по накатанной. Он привыкал к своему имени и постепенно восстанавливал силы. Даже горькая мякоть, которую он называл кашей, уже не казалась настолько противной. Да, есть её было по-прежнему трудно, но организм стал принимать и перестал пытаться избавиться сразу после проглатывания.

Постепенно Матильда начала снимать с него шины. Первыми были руки и, как оказалось, они сохранили подвижность. Почти. Больше пострадала левая. Она не разгибалась до конца. Если начать делать это принудительно, то было очень больно.

Когда это выяснилось, Матильда немного загрустила. Она надеялась, что он сохранит здоровье полностью, но проблема с левой рукой заставляла её бояться главного, что он не сможет ходить. Возможно, она именно поэтому тянула и не хотела развязывать его ноги и корпус, неведение давало надежду. А если выяснится, что он обездвижен, то это может нарушить все её планы.

В тот день, как только она вошла в пещеру, сразу стало понятно, что сегодня всё решится.

– Ну что, Спас, попробуем разбинтоваться?

– Я за! Сил уже нет лежать! – сказал он совершенно искренне, – а если я окажусь для тебя непригодным, ты меня убьёшь? – неожиданно спросил он.

Он понимал, что она очень на него рассчитывает, и у неё есть какие-то связанные с ним планы. Она сама не раз это говорила. Но вот вопрос что будет, если он не сможет ей помочь, они ни разу не обсуждали. Возможно, сейчас было самое время.

Ему удалось застать её врасплох, и по её реакции он понял, что она рассматривала такой вариант.

– Тебя не за что убивать, – сказала Матильда после паузы, – но ты сам можешь меня об этом попросить. Это будет милосердие, а не убийство. Заботиться о тебе всю жизнь я не буду. Нет у меня на это ни сил, ни времени. А сам ты здесь долго не протянешь.

Спас кивнул.

– Идёт! Давай уже выясним, наконец, есть ли у меня здесь будущее, где бы это здесь ни было.

Она подошла и решительным жестом сдёрнула укрывавшие его шкуры.

Глава 2

К счастью, оказалось, что ходить он может. Не очень хорошо, но может. Правая нога плохо гнулась, из-за чего он начал сильно хромать. Левая рука и правая нога подвели и, как он сам шутил потом, инвалидность распространилась в нём по диагонали. Одно не сгибалось, другое не разгибалось. Грудная клетка тоже была не в порядке. Он переломал себе рёбра. Сильно. И, похоже, что срослись они не очень ровно. Местами что-то торчало, а что-то проваливалось. Матильда говорила, что ему очень повезло, что они не порвали ему лёгкие, тогда бы всё закончилось сразу.

Матильда имела некое представление о медицине, что бы она там не говорила. После очередного вопроса Спаса, она создалась, что в молодости ей довелось работать медсестрой. Так что знания она имела, но не очень глубокие. Кое-что помнилось из прежнего опыта. И гораздо лучше чем в лечении, она разбиралась в реабилитации. Видно этим ей тогда и приходилось заниматься. Она дала ему комплекс упражнений и строго следила, чтобы он всё честно исполнял.

Да он и сам старался. Очень хотелось восстановить подвижность всех частей тела. Хотя бы, насколько это будет возможно. И хотя, частично разработать травмированную ногу и руку получилось, до нормального состояния им было ещё далеко. Да и теперь уже это было недостижимо. Нужно было привыкать к такой жизни.

В один из дней, Матильда задержалась. Она уже давно должна была прийти, но её всё не было. Спас даже начал волноваться. Он никуда не отлучался из своей пещеры, даже когда начал ходить. Матильда сказала, что он находится в подземном лабиринте, и если уйдёт, то может погибнуть. Но пугать его было не обязательно. Он ей и так доверял, понимая, что она его спасла от смерти.

Он не знал, какие обстоятельства привели его на грань гибели, но в том, что она его оттуда вытащила, не сомневался. За время общения доверие укрепилось, и ей можно было просто попросить его, чтобы он не выходил, и он бы ни за что не вышел.

Наконец она пришла, неся в руках металлический котелок. Это было удивительно. Металлической посуды он тут ещё не видел. Котелок был маленький, очень мятый, но закопчённый только снизу. Похоже, что копоть была свежая, а так котелок содержался в чистоте.

– Вот! – гордо сказала Матильда, – это суп с мясом!

Спас удивлённо поднял брови.

– С мясом?

– Ты знаешь, что это такое? – спохватилась Матильда.

– Конечно, – быстро сказал Спас, – я всё знаю, кроме того, что касается меня лично.

Просто я удивился, что у тебя есть и нормальная еда.

Матильда немного расстроилась, она рассчитывала на другой эффект. Подойдя к его ложу, она поставила котелок на край и протянула ему очень грубо вырезанную из дерева ложку.

– Нормальная еда... – ворчливо сказала Матильда, – попробуй сначала её добыть, нормальную еду. А потом... та каша, которой я тебя кормила, спасла тебе жизнь. Это чудодейственное средство. Не в каждой больнице тебя бы вывели. А эта вещь творит чудеса.

– А из чего ты её делала? – спросил Спас.

– Да, вон из этого, – Матильда вяло махнула рукой вверх, на потолок.

– Из вот этой светящейся штуки? – удивился Спас.

– Да. Когда я тут подыхала с голода, в какой-то момент не осталось выбора и я начала жрать эту дрянь. Думала, что на этом моя жизнь и закончится. Но нет, оказалось, что его вполне

можно есть. Только очень тяжело. Редкостная горечь. Тебе я его готовила специально, чтобы смягчить вкус...

– Смягчить? Это был смягченный вкус? – Спас аж поперхнулся слюной от возмущения.

– А ты попробуй, сковырни кусочек и пожуй! Он не ядовитый, а совсем наоборот. Попробуй, – с лёгкой обидой в голосе сказала Матильда.

Спас понял, что он задевает её за живое. Она хотела как лучше. Суп принесла, кашку всё время эту ему готовила, чтобы ему не очень противно было, а он всё недовольничает. Ему стало стыдно.

– Прости, – сказал он и, придвинувшись, обнял её за плечи, чем вызвал неожиданно резкую реакцию.

Матильда резко сбросив его руку, отпрыгнула в сторону и, встав в агрессивную стойку, зашипела как кошка. Спас испугался. Такая реакция была очень неожиданной. Раньше он сам к ней некогда не прикасался, похоже, этого делать было нельзя.

– Извини, – попытался он её быстро успокоить, и увидев, что она всё ещё продолжает стоять в своей агрессивной стойке, подошёл к своему ложу и сел на него, – я сегодня чего не сделаю, всё мимо, – Спас взял ложку, котелок, и стал есть прямо из него, – ммм, очень вкусно, – сказал он с набитым ртом.

Суп был очень густым, и скорее, это было рагу. Мясо там было почти незаметно, зато в изобилии плавали какие-то овощи. По крайней мере, он не нашёл для них другого названия. Матильда тоже потихоньку остывала и выходила из своего боевого состояния.

– Ты меня тоже прости, – сказала она, – но впредь, не прикасайся ко мне. Я это очень не люблю. Если бы у меня было оружие, я бы тебя и убить могла сгоряча.

– Да я же просто успокоить тебя хотел, ничего такого. И я не знал, что ты так остро среагируешь.

– Теперь знаешь, – сказала Матильда и помолчала немного, глядя как он ест, – я хотела тебе просто праздник устроить. Ты здесь уже четыре месяца. Думаю, что сегодня можно попробовать выйти наружу. Тем более, что там довольно тихо. Поблизости никого нет. И я хочу, наконец, тебе рассказать всё, что знаю о том кто ты, и как здесь очутился, – и, поймав его взволнованный взгляд, поспешила добавить, – но ты сильно не обнадёживайся, многого я не знаю. Твоя биография мне неизвестна. Я видела только то, что с тобой приключилось. И я тебе покажу, где это было.

Когда Спас положил руку Матильде на плечо, ему в очередной раз показалось, что она совсем не старая. Его это ощущение преследовало постоянно. Ему казалось, что она играет роль. И то, что она ухаживала за ним, умела готовить, содержала посуду в чистоте, говорило о том, что и с головой и с руками у неё всё в порядке. Почему же она тогда сама такая грязная и нечесаная? Почему так запустила себя? На это он ответить пока не мог.

Матильда села рядом и ждала, пока он поест. Когда он закончил и, умяв всё, вдруг спохватился и виновато посмотрел на неё, она улыбнулась и сказала:

– Не переживай, это всё было тебе. Ну что? Готов прогуляться?

– Ещё бы! Сгораю от нетерпения! – сказал Спас вскакивая.

Матильда первая направилась к выходу из пещеры, но вдруг резко остановилась и обернулась к нему.

– Скажи, Спас, а ты ничего не чувствуешь? Ну, хоть небольшого прояснения? Может, всплыла в памяти, хоть какая, самая незначительная деталь, которой ты не помнил раньше? Хоть что-то?

Ему очень не хотелось её разочаровывать, но ответ у него уже был готов. Он сам об этом всё время думал, силился вспомнить хоть что-то. Но пока что результата не было, поэтому он отрицательно покачал головой.

– Ладно, – печально вздохнула Матильда, – может, когда выйдем на улицу, тебе свежим ветром надует чего-нибудь в голову.

Получилось, что Спас опять её расстроил. И что сегодня за день такой.

Оказалось, что до выхода наружу идти не так уж и далеко. И очень просто. Из его пещеры нужно было повернуть налево, и идти прямо по коридору. Он несколько раз довольно круто изгибался, но ошибиться было трудно. В левой стене не было ни одного ответвления. В правой множество. А слева ни одного. На это его внимание обратила Матильда. Она сказала, что когда он войдёт в пещеру, то если будет идти всё время вдоль стены, а на обратном пути это будет правая стена для него, то дойдёт до своей «комнаты». Главное, никуда не сворачивать, иначе он рискует попасть в лабиринт, из которого можно и не выбраться.

На улице было хорошо. Довольно прохладно, но это даже бодрило. Спас был одет уже давно в то, что сшила для него Матильда. Из старых и вытертых шкур, вроде тех, из которых было сделано его одеяло, она сварганила ему штаны и куртку. Что было на нём хорошего и качественного, так это ботинки. Они были точно по размеру и сидели как влитые. Ему всегда это казалось странным. Если ботинки его, то где тогда остальная одежда? А если нет, то где она раздобыла такие подходящие? Учитывая то, что сама ходила в сшитых из толстой кожи... он даже не находил подходящего слова для этого... носках что ли? Зато в них, она, при желании, могла передвигаться совершенно бесшумно.

Спрашивать про свою одежду он не решался, чувствуя, что может поставить Матильду в неловкое положение. А этого ему не хотелось. Тем более, что он полностью от неё зависел.

Они вышли из небольшой дыры и оказались в завале громадных валунов. Они лежали кучей, и выбираться из них пришлось где-то на четвереньках, где-то через верх. Когда выбрались, то оказались на краю обрыва.

– Труднодоступное местечко, да? – подмигнула ему Матильда.

– Да уж, сюда так просто не заберёшься, – согласился Спас.

– Если не знаешь как, то не заберёшься, – согласилась Матильда, – пойдём, прогуляемся.

Она повела его по узкой тропе, по самому краю обрыва. Потом они лезли вверх, потом спускались вниз, и наконец, оказались на пяточке, где росло одно чахлое деревце, пара кустов и начинающая уже жухнуть высокая трава. Но трава местами была хорошо примята. Спас обратил на это внимание, а Матильда перехватила его взгляд и кивнула.

– Да, это моё лежбище. Мой наблюдательный пункт. В последнее время мою гору облюбовали банды. Начали устраивать здесь стоянки. Раньше было поспокойнее, а теперь приходится всё время прятаться.

– Что за банды? – удивился Спас.

– Ох, я всё время забываю, что с тобой как с дитём малым нужно общаться. Всё приходится с самого начала объяснять, – сказала Матильда и задумалась.

Спас ждал. Наконец Матильда заговорила.

– Ладно, проще будет всё вкратце обрисовать, но целиком. То место, где мы с тобой находимся, называется тюрьма.

– Тюрьма? – Удивился Спас, – в моём представлении тюрьма это что-то другое.

– Обычно да, как правило, это здание. Но здесь, это остров. Точнее два. Мужская тюрьма и женская.

– Аааа, – Спас понимающе кивнул.

– Так вот, меня сюда сослали, давно, много лет назад, – продолжила Матильда.

– Так ты заключённая? – удивился Спас, – а я?

– Я да, хотя и... впрочем, это сейчас не важно. Меня сюда сослали, как и многих других женщин. Потом всё изменилось, тут появились мужчины. И до этого-то выживать было трудно, а стало вообще невозможно. Здесь нет цивилизации. Почти. Дикий животный мир. Люди, попавшие сюда, деградируют до полудикого состояния. Да и прожить-то удаётся им

недолго. Я исключение. Возможно, есть ещё, кто нашёл труднодоступное убежище и скрывается в нём. Но я таких никогда не видела, – сказала Матильда.

– А что же я? – не удержался Спас.

– А ты не похож на заключённого.

– Почему?

– Ты был не один. С девушкой. Вы были хорошо одеты и вооружены. Значит, не местные и пришли откуда-то извне. Кто вы и зачем здесь оказались, я не знаю. Но вы нарвались на большую банду. Силы были не равны, и ты отправил свою подругу вон туда, – Матильда указала рукой на скалу, – а сам остался вон там, бился с этими упырями, пока твоя подруга перебиралась на другой выступ, видишь?

Она всё показывала ему пальцем, и он пытался нарисовать себе картину происходящего, но пока не очень получалось. Отсюда было непонятно, как можно было перебраться с одной части скалы на другую. Вообще все, что он сейчас слышал, у него в голове не ассоциировалось с ним самим. Как будто это была история о ком-то другом.

– Она перебралась, – продолжила Матильда, – а ты отстреливался, сколько мог, но они задавили количеством, и в итоге тебя поджали к самому краю, а потом скинули со скалы.

Спас вздрогнул.

– Я упал оттуда? – недоверчиво спросил он.

– Да, оттуда, – кивнула Матильда, – ты упал на дерево и летел, ломая ветки. С одной стороны, оно смягчило твоё падение, а с другой, переломало все кости, – Матильда не удержалась, хихикнула, и замолчала.

– И что потом? – не выдержала Спас.

– В какой-то момент падения, тебе удалось ухватиться за тонкое и высокое дерево, росшее рядом. Ты вцепился в него хорошо, но оно твой вес не выдержало и начало гнуться. Согнулось до земли. А там, по стечению обстоятельств, ты попал в мой замаскированный лаз на склоне, откуда я охочусь на упырей. Ты, наверное, расцепил руки, дерево разогнулось обратно, а ты улетел под землю, вызвав небольшой обвал на склоне, который этот лаз и завалил. Я его, кстати, до сих пор расчистить не могу.

– Извини... – виновато сказал Спас.

– Да ты-то здесь причём, – махнула рукой Матильда, – в общем, ты оказался в стороне от места падения, под землёй, да ещё и за завалом. Как выжил? Чудо просто какое-то.

– Ты ведь меня спасла, чему же тут удивляться? – сказал Спас.

– Да я не об этом, а о том, как ты выжил при таком падении. Счастливчик просто, – сказала Матильда.

– Ду уж, повезло, так повезло, – сказал Спас и продемонстрировал не разгибающуюся руку.

– Повезло, даже не сомневайся, живой же сидишь? А мог бы прям тогда... того... Что это, как не везение? А? – спросила Матильда?

– А девушка? – вдруг вспомнил Спас, – с ней что случилось?

– С ней-то? – усмехнулась Матильда, – с ней ничего. А вот с бандой этой случилось.

– Что?

– Как что? Перебила она всех до единого. Вот что. Зверь баба! Потом тебя искала долго. Пришли ещё мужики, друзья, наверное, ваши, тоже искали. Но так и не нашли.

– А почему ты им не подсказала где я? – спросил Спас.

– Да тогда я и сама не знала. Я тебя позже обнаружила, когда под гору полезла, в те коридоры. Я туда редко хожу, только когда у упырей что-то интересное примечу и захочу получить, – Матильда замолчала, и стало понятно, что её тяготит эта тема. Не очень ей хочется обсуждать нюансы спасения Спаса. Возможно, она чего-то недоговаривала.

Повисла пауза. У Спаса вопросов было много, но как только он хотел что-то спросить, как в тот же момент это начинало казаться совершенно не важным и не играющим роли.

– Если тебе нужна помощь, почему же ты к ним не обратилась? – спросил, наконец, он.

– Да, может, и надо было, – вздохнула Матильда, – только годы жизни приучили меня к осторожности. Я никому не доверяю. Обжигалась уже много раз. Пока думала, то да сё, они уже и ушли. А потом я тебя нашла. Подумала, ты поможешь нам выбраться с этого острова. А ты вон, беспамятный оказался.

– Кому нам? – удивился Спас.

Матильда дёрнулась.

– Я сказала нам? Да это я так! Проболталась. Одна долго живу, сама с собой много разговариваю. Ну, точнее, до того как ты появился, разговаривала. И меня как бы двое. Ну, чтобы было с кем обсудить житиё бытиё, или проблемы какие. Я при тебе старалась этого не показывать, чтобы за сумасшедшую не принял. Но проболталась. Ладно, чего мы тут расселись, заметит ещё кто! Для первого раза хватит, пойдём обратно, – засуетилась вдруг Матильда и увлекла Спаса за собой. А ему уходить совсем не хотелось. Он бы ещё с удовольствием посидел и подышал. Но спорить с ней не стал, а послушно пошёл следом.

А ночью ему приснилось, как он падает со скалы. Это было страшно, он проснулся весь в холодном поту. Он даже не знал, это воспоминания, или фантазия. Так ли было на самом деле, или мозг всё это напридумывал?

Минут через пятнадцать, когда он по-прежнему лежал, пялясь на верхний свод пещеры, прибежала перепуганная Матильда.

– Это ты кричал? – сходу спросила она.

– Нет... хотя, возможно, и я... – неуверенно сказал Спас, – мне приснилось, как я падал со скалы.

– Правда? – обрадовалась Матильда, – здорово!

– Что же тут здорового? – удивился Спас, – я до сих пор в себя прийти не могу!

– Здорово, что мозг заворочался в тебе. Ты что-то начинаешь вспоминать! Главное, это сдвинуться с мёртвой точки, – настроение у Матильды поднималось на глазах, она была очень воодушевлена.

– Да погоди радоваться, я даже не уверен, что это воспоминания! – попытался он остудить её пыл, но безрезультатно.

– Ладно, отдыхай, – сказала она, – завтра ещё куда-нибудь сходим. Если упыри не появятся, то может, на место твоей битвы, а? Как думаешь? – и Матильда чуть ли не вприпрыжку выбежала из его пещеры.

Спас закрыл глаза. Ему не очень хотелось, но он постарался прокрутить в голове пришедшее падение. Что-то там было. Совсем близко. Казалось, что вот-вот и он ухватит свои воспоминания за хвост, потому что, когда он падал, он свою жизнь помнил. И ещё какой-то образ. Той, которую он спасал, там, на скале. Но лица не было, как он ни старался его представить. Ухватить воспоминания так и не получилось, и он незаметно соскользнул в сон, с чувством непередаваемой тоски по той жизни, которая забылась.

Глава 3

Они с Матильдой сходили на скалу. Не один раз. Ходили туда каждый день. Ему периодически казалось, что вот-вот, и его осенит. Что всплывёт то, что он так хочет вспомнить. Но оно крутилось рядом, как ускользнувшая мысль, и никак не давало себя ухватить. Вот и сегодня, день не принёс результатов. Матильда сидела на камне печальная. Она уже начинала отчаиваться.

– Может, пойдём, поохотимся? – с надеждой спросил Спас.

– Да уж, ты тот ещё охотник, – беззлобно сказала она, но было понятно, что ей не до охоты.

– Слушай, ну если ты знаешь куда идти, мы можем отправиться туда. Пусть я ничего не помню, но вдруг меня там узнают? А? Тоже вариант, – сказал Спас.

– Я не знаю. Я просидела под этой скалой очень много лет. Я выживала и никуда не уходила, боясь лишиться убежища. Может зря, а может я и жива только благодаря этому.

– А сколько тебе лет? – наконец Спас задал вопрос, который его очень давно мучил.

Матильда усмехнулась.

– Возраст здесь не имеет значения. Но если тебе интересно, то уже сотни. Я давно сбилась и перестала считать. Но я попала сюда в самом начале. Когда тюрьма только открылась, – сказала Матильда.

– Я не настаиваю, не хочешь говорить, не надо... – слегка обиделся Спас, – он не ожидал, что она скажет правду, но такая очевидная залепуха его расстроила.

Матильда с интересом посмотрела на него.

– Слушай, я всё время забываю, что ты пришибленный. То вроде всё помнишь, то вообще ничего. Я же не знаю, где у тебя в голове проходит граница знаний. Ты думаешь, что я тебе соврала, а я сказала чистую правду. На этой планете люди не стареют. Я это тоже выяснила далеко не сразу. Но когда заметила, что годы идут, а я всё такая же, как приехала сюда, то стала задумываться. Потом, при редких контактах с теми, кто тоже здесь давно, выяснила, что это особенность этой планеты. Какая ирония, да? Вечная жизнь, зато в норе и постоянном страхе. За всё приходится платить, – сказала Матильда.

Спаса проняла её небольшая речь.

– Слушай, – сказал он, – ну если есть место, откуда я пришёл, значит, мы можем его найти. Тебе же надоело сидеть здесь? Прятаться постоянно? Давай рискнём! Ну чего нам терять? Я же вижу, ты устала от такой жизни.

– Ты многого не понимаешь, – сказала Матильда, – я не могу уйти.

– Ну так объясни! Если я такой глупый, разжуй мне как следует. Ты же для этого меня и спасла, чтобы я тебя вывел. Так почему бы не рискнуть? – Спас начал заводиться, неожиданно для самого себя.

Матильда тоже смотрела на него с удивлением.

– А у нас, оказывается, и темперамент есть, и эмоции! – сказала она иронично, – спасибо тебе Спас за решительность, но идти вслепую, это чистое самоубийство. Ты плохо представляешь, что за жизнь на этом острове. Нет, нам нужно наверняка. Ладно, не стоит отчаиваться, у нас впереди вечность, глядишь, память и вернётся когда-нибудь. Зачем спешить?

– Что, так и будем жить в пещере? – спросил Спас.

– А что? Я же вон, сколько уже прожила! И потом, ты не видишь прогресса, а я вижу. Когда я тебя тащила по тоннелям, вообще было сомнительно, что ты выживешь. Потом, не было гарантии что встанешь и сможешь ходить. Но мы прошли все эти этапы. Сидим сейчас на

горе. Да, уже пять месяцев прошло. Но если тебе понадобится ещё пять, чтобы вспомнить, они у нас есть. Нам же не нужно, чтобы ты помнил всё, так ведь? Только чтобы сумел нас вывести.

– Опять нас? – спросил Спас.

– Не придирайся, – больше чем нужно смутилась Матильда, – я имела в виду нас с тобой.

– Аааа, – протянул Спас, – слушай, Матильда, я сегодня о тебе узнал, наверное, больше, чем за всё предыдущее время. Ты всегда избегала разговоров о себе. А сегодня, вон, приоткрыла дверцу. Раз уж на то пошло, может быть расскажешь, и как ты сюда попала?

– Да что тут рассказывать, – Матильда пожала плечами, – история моей жизни длинна и скучна. Я была молоденькой медсестрой в больнице. С амбициями выучиться на врача. Больница была престижная, много богатых лечилось. Туда было трудно устроиться, я только потом поняла, почему меня туда взяли. Даже не взяли, а позвали, когда я учиться ещё не закончила.

– И почему же? – заинтересовался Спас.

– Из-за внешности. Я была прехорошенькая. В былые времена...

– Да ты и сейчас, очень даже ничего! – сказал Спас, в ответ на что, она пнула его ногой, и попала как раз по больному месту, точнее одному из больных.

Теперь у Спаса на теле таких мест было множество. Он застонал.

– Прости, – спохватилась Матильда, – я не хотела.

– Да ничего, сам виноват, сказал бы что-то искреннее, не получил бы, а это прозвучало как издёвка, – повiniлся Спас.

– Молодец, всё понимаешь, иногда просто не верится, что тебе память отшибло. И как это так избирательно работает? – удивилась Матильда.

– Если бы знал, обязательно бы тебе сказал, но увы. Так что там дальше-то было? – спросил Спас.

– А дальше было как в книжке. Положили к нам молодого и богатого сынка какой-то шишки. Я ему очень понравилась. Ну, типа любовь и всё такое. Закрутилось всё, завертелось.... Я с работы ушла, он мне квартиру снял, жила там, он периодически навещался. Потом я ему, похоже, надоела. Или другую нашёл. В общем, хотел меня приятелю своему передать...

– Как это передать? Ты что, вещь что ли? – удивился Спас.

– Как оказалось, для него – да. Но мне такой расклад не понравился, я хлопнула дверью и ушла. Пошла обратно на работу устраиваться, а меня не берут. Типа, уже бывшая в употреблении. А там только свежие медсестрички должны быть, – со вздохом сказала Матильда.

– На публичный дом похоже...

– Отчасти, так оно и было. Но больница на этом не зарабатывала, скорее, использовала для привлечения клиентов. Отовсюду вербовали красоток и на работу брали. А толстосумы периодически кого-нибудь с собой утаскивали. А если и нет, когда красotka за тобой ухаживает, всё одно приятней. А больница такие деньги с них драла, что на сутенёрство разминаться смысла никакого не было. Зачем? Это так, приятный бонус для клиентов. А если что, так девочки сами виноваты, польстились на богатенького.

– Но за это в тюрьму вроде не должны отправлять? – удивился Спас.

– А меня и не за это. Я же бузить начала. Заявилась к его родителям. С трудом, хитростью проникла через охрану, подловила их, и всё выложила как на духу, какой их сынуля подонок, – сказала Матильда.

– А они что? – спросил Спас.

– Они-то? Пока я говорила, папаша медленно доставал телефон, потом медленно звонил, первой фразой он уволил начальника своей охраны, а второй распорядился сослать меня туда, откуда не возвращаются. Он даже не сказал куда, те кто исполнял, сами решение приняли, – сказала Матильда и совсем сникла.

Похоже, что воспоминания о прошлой жизни нагнали на неё тоску.

– Да кто же он был такой, чтобы вот так людскими судьбами распоряжаться? – возмущённо сказал Спас.

– Политик. Шишка большая. Ему люди что пыль. Да там ещё и выборы на носу были. А если бы меня его конкуренты взяли в оборот и стали против него волну гнать? Он поэтому сразу устранил возможную проблему. Это мне по секрету один из охранников в тюрьме сказал, не в этой, а до отправки. Проникся очень, симпатизировал мне, да что он мог поделывать-то... – сказала Матильда.

– Поубивал бы сволочей, – Спас нервно сжимал и разжимал кулаки.

– Успокойся, – усмехнулась Матильда, – самое забавное в этой истории то, что они все уже давно сдохли. Даже их потомки вряд ли помнят про них. А я всё живу. Плохонько, но живу. Так что, если рассматривать жизнь, как высшую ценность, то они мне подарок сделали. Я, конечно, не очень им смогла воспользоваться, но уж как получилось. Так что, я даже не в обиде. И есть ещё одно обстоятельство... – сказала она, и вдруг замолчала.

– Какое? – спросил Спас.

– Позже! Не сегодня! Расскажу, но в другой раз, – решительно сказала она и встала, – пора уходить, мы и так засиделись тут. Нельзя проявлять такую беспечность. Сидим, болтаем, даже по сторонам не смотрим.

И Матильда быстро зашагала к склону. Она, видно, совсем уже перестала перед ним приотворяться старухой, и сейчас, сзади, её можно было принять за довольно молодую женщину.

Спас хромая догнал её и пошёл рядом. Нога от быстрой ходьбы сильно болела, но Матильда была погружена в свои мысли и не замечала, как он мучается. Он не стал ей ничего говорить. Сам растревожил воспоминания, вывел из равновесия, так что, можно теперь за это и потерпеть.

На середине спуска, Матильда вдруг вскинула голову и с криком «Берегись!» прыгнула на Спаса, сбив его с ног. Они завалились и упали. Он на спину, а она на него сверху. Упали на мелкую гальку и заскользили по ней вниз, головой вперёд.

– Дура, какая же я дура! Зачем я это сделала? Что теперь будет? – сквозь зубы цедила Матильда.

Она лежала на нём, и поверх её головы Спас вдруг увидел, что у неё из спины торчит стрела. Их скольжение остановилось, он осторожно снял её с себя, и положил на живот, стараясь не навредить, а сам стал медленно подниматься, с рвущимся из груди звериным рыком, который он не мог контролировать.

Вставая, он захватил два булыжника, в каждую руку по одному, и когда распрямился, то уже ревел как взбесившийся зверь. Не обращая внимания на боль в ноге, он бросился по склону вниз, подпрыгивая на негнущейся ноге, и скоро увидел его. Он стоял и пытался вложить стрелу, но у него это плохо получалось, потому что ему было страшно. На него нёсся совершенно озверевший мужик. Он собирался снять его первым выстрелом, а бабу забрать себе. Когда он её увидел, даже глазам не поверил, и то, что выглядела она так себе, никакой роли не играло.

Но что-то пошло не так. Стрела попала в неё, он испортил столь ценную добычу, упустил шанс, который бывает раз в жизни и не у каждого, а теперь этот ревуший по-звериному мужик, нёсся на него со склона со страшной скоростью. Наконец, он совладал со своим плохоньким луком, пустил стрелу, но от волнения слабо, так, что мужик просто отбил её рукой у себя перед лицом.

Спас даже не увидел стрелы, сработали рефлексy, как в лесу, когда ветка норовит попасть в глаз, веко опускается, защищая его, даже если человек вообще не заметил опасности, так и здесь, он просто отбил её, не поняв, что это такое. А в следующую секунду налетел на нападавшего и начал молотить его зажатými в руках камнями. Кровь брызнула во все стороны. Бедолага не прожил и нескольких секунд. Но Спас всё молотил и молотил по нему, превращая его в кровавое месиво, пытаясь насильем погасить бушующее внутри отчаяние. Внезапно пришло

осознание, что Матильда была единственным в его жизни человеком, которого он знал. Она сейчас была для него всем миром, больше у него нет никого. И она лежит там со стрелой в спине.

Вспомнив про это, он перестал молотить труп, и всё так же по-зверски завывая, бросился наверх, к ней. Она лежала на боку с блестящими от слёз глазами. Когда он вошёл в поле её зрения, она махнула ему одной кистью, чтобы он подошёл. Он бросился перед ней на колени, и когда оказался рядом, то она схватила его рукой за грудки и с неожиданной силой притянула к себе. Сквозь слёзы глаза её горели яростью, но обращена она была не против него.

– Слушай меня внимательно, – сквозь зубы, борясь с болью, прошептала она.

– Я помогу... – начал было Спас, но она так крепко сжала руку у него на груди, что он понял, что лучше бы ему помолчать.

– Вернёшься в свою пещеру, выйдешь из неё и поверни направо. Иди вдоль правой стены, никуда не сворачивая, – шептала она, – долго, возможно несколько часов. Иногда ты будешь возвращаться на прежнее место, но ты всё равно иди вдоль правой стены. Сделай так, и придёшь куда нужно.

– Куда? – спросил Спас, и пожалел, потому что рука на груди сжалась ещё сильнее.

– Найдёшь мою дочь. Спаси её! Выведи из этого проклятого места! Дай ей нормальную жизнь, не в норе! Ты мне должен! Жизнь за жизнь! Я спасла тебя, а ты спаси её!

Спас вдруг понял, что это не бред умирающего, а чистая правда. Теперь всё встало на свои места. Вот, оказывается, что она скрывала! Матильда вытащила из под себя вторую руку и ухватила её тоже за грудки. Двумя руками потянула его к себе, глядя в глаза.

– Клянись! – прошептала она.

– Клянусь! – с жаром ответил он, – у меня есть только жизнь, которую ты мне дважды подарила, и я клянусь ей, что сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь твоей дочери. К чёрту всё, я клянусь всем этим грёбанным миром, что спасу её, чего бы это ни стоило.

Она опять потянула его на себя, он старался облегчить ей эту задачу как мог и наклониться самостоятельно. Её щека оказалась возле его щеки, а губы возле уха.

– Я тебе ВЕРЮ, – сказала она, и вместе со словом «верю», из неё вылетел последний вздох и она обмякла.

– Нееееет! – закричал Спас, прижимая её к груди и раскачиваясь из стороны в сторону. Но помочь Матильде он уже ничем не мог, кроме того, как исполнить свою клятву.

Он плохо потом помнил, сколько времени сидел так и кричал, глядя в небо и прижимая оказавшееся очень хрупким тело к груди. Плохо помнил, как шёл домой неся её на руках и постоянно спотыкаясь. Плохо помнил, как лез по скалам и пробирался через валуны к входу. Плохо помнил, как шёл по пещерам, к своей «комнате». Плохо помнил, как положив Матильду на ложе, сидел рядом и плакал. Долго и отчаянно рыдал, возможно, впервые в жизни, включая и ту, которую он забыл. Плохо помнил, как доведя себя слезами до изнеможения, повалился на пол и уснул.

Ему очень повезло, что охотник был один. Он, конечно, был из банды, но шёл впереди, чтобы охотиться. Его товарищи слышали дикие крики вдалеке, но не поняли, что они означают, хорошо это или плохо, и вообще, человеку они принадлежат или зверю. Поэтому они не стали торопиться, и как Спас не медлил, всё равно успел уйти до их прихода. Хотя разминулись они чуть-чуть. Но, наверное, на сегодня его запас невезения был исчерпан.

Когда Спас проснулся, то понял, что держит Матильду за руку. Рука уже была холодная и начала деревенеть. Почему всё произошло именно так? Именно сегодня Матильда рассказала ему историю своей жизни, ответила на все вопросы, и утаила только про дочь, но и то была близка к тому, чтобы рассказать даже это. Она что, предчувствовала свою смерть и поэтому вышла на такую откровенность? Или всё совсем наоборот? Рассказав про свою жизнь, она

выпала из ситуации, потеряла контроль и осторожность, и это привело к фатальным последствиям? Второй вариант казался более вероятным.

На Спаса вновь обрушилась ужасная мысль, что Матильда была его единственным знакомым человеком во всём мире. И теперь её нет. А что с дочерью? Каково будет ей, когда она узнает про смерть матери? И кто ей об этом скажет? Кроме него некому. А как это сделать? Пойти к незнакомому человеку и сказать, что его мама умерла. И сколько ей лет? Если здесь долго живут, то как давно она родилась? Она, наверное, уже взрослая. Но почему тогда Матильда её так долго прятала? Оберегала от него?

Все эти мысли толпились в голове и не давали ясно мыслить. А мыслить было нужно.

Клятва! Нужно исполнить клятву, а он ведёт себя как истеричка! Нужно срочно успокоиться. Он сел на своё ложе и посмотрел на лежащую на боку Матильду. Стрела по-прежнему торчала у неё из спины. Он не знал, что с этим делать. Вынуть или оставить. Решил пока не трогать. Провёл ей по волосам. Волосы были очень грязными и висели сосульками. Но грязь была какой-то не натуральной. Как будто она сама их специально намазала. Ему всегда казалось, что она просто за собой не следит. А это было что-то вроде грима. И грязь на лице тоже какая-то искусственная.

Он прожил здесь почти полгода, а так и не смог её раскусить. Определённые подозрения были, но не более.

Она говорила, что идти далеко. За это время тело совсем окоченеет. А нужно будет её похоронить и сделать это нормально. Он всё же решился и обломил стрелу на выходе из тела. Потом повернул Матильду на спину и распрямил. Руки вытянул по швам, голову положил ровно. Пускай будет так.

После чего вышел из своей комнаты и повернул направо.

Глава 4

Идти и в самом деле оказалось очень далеко. Много раз, он возвращался на те же самые перекрёстки, но не изменял инструкциям Матильды. Если бы он постарался срезать, то был шанс заблудиться. Некоторые коридоры были совсем темными, и идти приходилось на ощупь.

Спас понимал, что его гложет. Это было чувство вины. Ему казалось, что это он виноват в смерти Матильды. Отчасти так оно и было, но ему вина казалась всеобъемлющей. Слишком они расслабились сидя на скале, слишком погрузились в воспоминания. Она прожила здесь без него долгие годы, и была жива. А стоило появиться ему, и на тебе. Её жизнь скоростижно закончилась. Это не могло быть совпадением. Он виноват, и точка!

Он шёл погружённый в свои мысли, и поэтому, когда дошёл до нужного места, то впал в ступор. Совершенно неожиданно, не открывая никаких дверей, он оказался в квартире. Обычной квартире. Правда, находилась она в пещере. В душе шевельнулась что-то знакомое, как будто он с таким уже сталкивался, но тут же ускользнуло.

Но через секунду картинка начала рассыпаться. Конечно, это была не квартира. Да и откуда ей было тут взяться. Это была имитация, которая могла произвести впечатление только на первый взгляд. Это была пещера, но внутри она была обставлена мебелью. Мебель была очень старательно сделана, но всё равно примитивно. Были даже приборы бытовой техники, которые естественно не работали, а только имитировали внешний вид.

Он споткнулся об стоящий под ногами ящик с какими-то корнеплодами. Вдалеке послышались торопливые лёгкие шаги, привлечённые произведённым им шумом.

– Мама, почему так долго, я уже волноваться начала! – услышал он детский голос.

«Господи, всё-таки ребёнок!» – подумал про себя Спас.

Из-за поворота появилась девочка, в красной курточке и чёрной юбочке чуть выше колен. Увидев его, она замерла, и он увидел, как сжалась её челюсть, и заходили маленькие желваки. Она постаралась взять себя в руки, и максимально спокойно, как только у неё получилось, сказала:

– Мама умерла?

Спас кивнул. Он хотел ей что-нибудь сказать, но не мог. Рот ему как будто зашили, а язык приклеили к нёбу. Он онемел, и не мог вспомнить ни одного слова. Девочка сделала несколько шагов в одну сторону, потом в другую, и как не боролась с собой, всё-таки не выдержала и стремительно убежала туда же, откуда пришла. Через несколько секунд издалека донеслись приглушённые рыдания. Несмотря на свой возраст, она не хотела показывать слабость. Сильный ребёнок.

Спас огляделся по сторонам. Возле одной стены стоял диван. Он подошёл и сел на него. Диван был аккуратно сложенной кучей камней, на которой сверху лежали потёртые кожаные мешки, набитые, по ощущениям, сухой травой. Навскидку, сходство с обычным диваном было очень сильным, и только если начать разглядывать, становилось понятно, из чего это сделано.

Похоже, что Матильда пыталась воссоздать в пещере атмосферу городского быта. В основном, ей это удалось. Она много сил потратила на обустройство, и было понятно, почему было жалко всё это бросать ради смутных перспектив. Тут можно было жить. Трудно, опасно, но можно. А если уйти, то что? Да ещё и с ребёнком.

Девочка совсем маленькая. Сколько ей? Лет семь, восемь? Вряд ли больше. Для этого страшного места, возраст совершенно неподходящий, она совершенно не сможет о себе позаботиться. И теперь это его проблема. Без вариантов.

Спас не знал, как девочка перенесёт смерть матери, и как будет относиться к нему. Судя по тому, что она почти не удивилась его визиту, то была в курсе всех происходящих событий. Просто, сам факт его прихода свидетельствовал о смерти её мамы.

Он сидел, слушал доносящиеся издалека рыдания и совершенно не знал что делать. Чувство полной беспомощности овладело им. Он и сам был как ребёнок, а тут ещё предстоит заботиться об этой малышке.

Спас искренне хотел это сделать. Хотел выполнить свою клятву и спасти девчушку. Хотел, но не знал как. Не знал даже с чего начать. Может, её нужно накормить? Вдруг она голодная?

Но он тут же отмёл эти мысли. Да, о еде нужно будет думать, но позже. Наверняка у Матильды были какие-то запасы, и девочка сама сумеет ими воспользоваться первое время. А вот что ему действительно нужно, так это составить план действий. Дальше этой мысли, дело у него не шло. Опять навалилось ощущение беспомощности.

Спас поймал себя на мысли, что больше не слышит её рыданий. В пещере было тихо. Его это испугало. Не сделала ли она там что-то с собой от отчаяния? Но тут он уловил слабый шорох из глубины пещеры и успокоился. Не вечно же ей рыдать в голос. Когда-то слёзы должны были закончиться. Он решил, что будет сидеть и ждать сколько понадобится. Но ждать долго не пришлось. Девочка вскоре появилась. Она переделалась и теперь была одета в форму, по типу военной, но очень большого размера. Матильда подогнала вещи под её рост, но размер был слишком велик, и это бросалось в глаза.

Спас посмотрел на свои ботинки, потом на её форму и в душе шевельнулись смутные подозрения. Он тут же внутренне укорил себя за такую мелочность. Даже если Матильда и сняла с него одежду и перешила её для дочери, то что тут такого? Молодец. Всё правильно сделала.

– Где мама? – спросила она.

– У меня в пещере, туда далеко идти... – он не успел договорить, потому что она решительно прошла мимо него и вышла из своей «квартиры».

Ему не оставалось ничего другого, как последовать за ней.

Идти оказалось совсем не далеко. Они шли минут десять, не больше. Но дорога оказалась не простой. Они много раз проходили через развилки, некоторые были сразу из нескольких коридоров, и если бы ему понадобилось повторить этот путь, он бы не смог. А вот девочка, похоже, ориентировалась здесь отлично, и знала все пещерные переходы наизусть.

Шла она быстро, так что Спас, со своей хромотой, за ней еле поспевал. Но её это не беспокоило. Похоже, она, как и он сам, винила его в смерти Матильды, но очень старалась это скрыть. Получалось так себе. Но её самообладанию можно было позавидовать.

Пока они шли, Спас вспомнил, как прибежала Матильда, после того как ему ночью приснилось, что он падает со скалы. У неё это тоже заняло не очень много времени. Получалось, что они были всё время относительно близко, но в лабиринте пещер было трудно найти дорогу, если ты её не знаешь.

Когда они вошли в его «комнату», девочка подошла к ложу и сев рядом с матерью взяла её за руку. Спас видел, как она закусилась губу, чтобы не расплакаться, как в глазах у неё стоят слёзы и вот-вот начнут стекать по щекам. Наконец, одна слезинка не удержалась и быстро сбежала вниз.

– Я подожду снаружи, – сказал Спас, желая оставить девочку одну, чтобы ей не пришлось сдерживать при нём свои эмоции.

Она подняла на него блестящие от слёз глаза, и он прочитал в них совсем лёгкую, но благодарность. Девочка кивнула.

Спас вышел, удалился от пещеры метров на двадцать и сел, привалясь к стене и распрямив большую ногу. Посидев так пару минут, он решительно встал и пошёл в сторону выхода из подземелья. За всё это время из пещеры, где лежала Матильда, не донеслось ни звука.

Он лежал на камнях и пялился в небо очень долго. Как ему показалось, не один час. Несколько раз у него было побуждение встать и пойти обратно, но он сдерживался. Наконец, раздались лёгкие шаги. Девочка подошла к нему и села рядом. Они помолчали.

– Меня зовут Юна, – сказала она, после продолжительной паузы.

– А меня Спас, – ответил он.

– Я знаю, как тебя зовут, это я придумала это имя.

– Ты? – он удивлённо повернулся.

– Я, – кивнула она, – это значит спасённый, потому что мы тебя спасли, и в то же время спаситель, потому что и ты должен был нас спасти.

– И по-прежнему должен, – сказал он и опять уставился в небо.

– Только вот никаких нас уже нет, я осталась одна, – холодно сказала Юна.

Он не нашёлся что ответить. Они опять помолчали.

– Это я уговорила маму тебя вылечить и попросить помочь нам. Она нашла тебя в пещере и притащила сюда, но не была уверена, стоит ли тебя выхаживать, и согласишься ли ты помогать. Каждый раз, когда она кому-то верила, это плохо заканчивалось.

– И этот случай не исключение, – сказал Спас, но она проигнорировала его слова.

– Поэтому, она много лет прожила здесь одна. Так проще, никто не предаст. И с тобой она связалась только ради меня. Не хотела, чтобы я тоже, как и она, жила под землёй всю свою жизнь... а теперь её нет...

– Я даже не представляю, каково тебе сейчас, но мне тоже не всё равно. Ты, наверное, всё знаешь? Знаешь, что я потерял память? Кроме Матильды, я не знаю в этом мире ни одного человека. Точнее не помню.

– Не знал, – поправила его Юна.

– Не знал, – согласился Спас, – теперь у меня есть только ты, хотя я и не подозревал о твоём существовании до сегодняшнего дня. Я поклялся, что уведу тебя отсюда. И я собираюсь эту клятву сдержать.

– А получится? – спросила Юна.

– Честно? Не знаю. Но я сделаю для этого всё возможное, – ответил Спас.

– Когда выходим? – спросила Юна.

Спас резко сел.

– Что, вот так сразу? – удивился он.

– Нет, конечно, нужно сначала маму похоронить. Но и тянуть, особо смысла нет. Теперь меня здесь ничего не держит, – сказала Юна.

– Твоя мама хотела дождаться, пока я начну вспоминать. Иначе, я просто не представляю куда идти и что делать, – сказал Спас.

– Ты что-нибудь вспомнил? – спросила Юна.

– Нет, пока, – ответил Спас.

– А если так и не вспомнишь, что, так и будем тут сидеть? Ты уже почти полгода вспоминаешь, и ничего. Почему ты думаешь, что что-то изменится, если просидеть здесь ещё полгода?

– Не знаю. Кстати, о годах, сколько тебе лет? – спросил Спас.

– Двенадцать, – ответила Юна.

– Да ладно, – Спас её недоверчиво осмотрел, – двенадцать? На вид лет семь или восемь.

– Двенадцать. Мама тоже всё время удивлялась и говорила, что я должна выглядеть старше. Может это от того что много времени под землёй приходится проводить, я так медленно расту, может от питания, а может и гены такие...

– Гены? – удивился Спас, – для маленькой девочки, выросшей в пещере, ты знаешь очень сложные понятия.

– Да? – удивилась Юна и пожала плечами, – не знаю. Ты первый человек, с которым я разговариваю в жизни, после мамы. Но зато с ней, мы разговаривали целыми днями, когда она не добывала еду. Она верила, что я смогу отсюда выбраться и устроить свою жизнь, и готовила меня к этому. Она мне рассказывала все, что знает сама, всё что помнила. Учила меня читать, писать и считать.

– У неё получилось! – сказал Спас слегка восхищённо.

– Надеюсь. Она всё в деталях мне рассказывала про мир, про свою жизнь, про людей. Мы обсуждали всё это много раз. Говорили и говорили. Мне кажется, что я как будто прожила всю её жизнь, которая была там, снаружи, до того, как её сюда сослали.

– Значит, если ты всё знаешь, то и про то, как она сюда попала тоже? И что далеко не всем людям можно верить? – спросил Спас.

– Конечно, – согласилась Юна, – но некоторым можно, главное их найти. Вот тебе можно?

– Очень на это надеюсь, – искренне сказал Спас.

– Ты что же, сам не уверен в себе? – удивилась Юна.

– В точку! Я просто никак не могу понять кто я. На том месте, где должен быть я, просто большая дыра. А вдруг я плохой человек на самом деле? А? – сказал Спас.

– Я думаю, что ты можешь быть любым, каким захочешь. Даже если ты и был раньше плохим, то сейчас ты можешь выбрать стать хорошим. Что тут такого? – удивилась Юна.

– А если я потом всё вспомню?

– Ну и что? Если тебе понравится быть хорошим, и продолжай им оставаться. Это же всё только от тебя зависит. Давай договоримся, пока ты со мной, то обещаю быть хорошим, что бы ты там вдруг не вспомнил, идёт? – спросила Юна.

– А можно, с врагами я буду плохой? – наивно спросил Спас.

– Нужно! – сказала Юна и слегка улыбнулась, – скажу больше, я на это очень даже рассчитываю.

Она встала и отряхнула штаны.

– Пойдём. У нас дел много. Маму нужно... – она не договорила и закусил губу.

Спас встал и попытался рефлексивно обнять её за плечи, чтобы успокоить, но она отскочила в сторону и уставилась на него.

– Прости, – сказал Спас, – наверное, раньше, для меня было нормально пожалеть девочку, если она расстроена.

– Ничего, – сказала Юна, взяв себя в руки, – просто ко мне раньше, кроме мамы, никто не прикасался.

– Извини, – ещё раз сказал Спас.

Юна постояла, видно принимая какое-то решение, а потом шагнула к нему.

– Ну, что ты там хотел сделать?

Спас растерялся.

– Это было неосознанно, но я пожалеть тебя хотел...

– Покажи как? Или уже забыл? – спросила Юна.

– Да нет, – он шагнул к ней, очень бережно обнял маленького человека, и правой рукой очень осторожно погладил по голове, – сейчас как-то специально и неловко получается, – пробормотал Спас.

– Да нет, ничего, – раздался снизу голос Юны, которая уткнулась ему в грудь, и он понял, что она плачет.

Спас задрал голову к небу, чтобы сдержать собственные слёзы, но это не помогло. Они скапливались в глазах до тех пор, пока небо и облака окончательно не расплылись, и потом нашли дорогу в уголках и потекли к вискам.

Обратно в пещеру они шли молча. Каждый думал о своём. Уже подходя ко входу, Юна вдруг сказала:

– Мама была права, ты странный. Всё знаешь, но ничего не помнишь.

– И что это значит? – спросил Спас.

– Не знаю, – пожала плечами Юна, – может то, что с головой у тебя всё в порядке.

– Думаешь, я вру, что ничего не помню? – удивился Спас.

– Да нет, что ты, – поспешила успокоить его Юна, – я о том, что ты всё можешь вспомнить.

Соображаешь же ты нормально.

– Спасибо, – сказал Спас.

Они вошли в его пещеру.

– Тут недалеко есть источник. Мы там берём воду, моемся, ну и всё такое. Нужно отнести маму туда. Поможешь? – спросила Юна.

– Не помогу, а отнесу, – сказал Спас.

– Хорошо, тогда иди за мной.

Спас осторожно взял Матильду на руки и понёс вслед за Юной.

Они пришли в большую пещеру, где в самом центре было что-то вроде бассейна, возвышающегося над полом на метр. Он был естественного происхождения, но искусственно увеличен при помощи каменной кладки. Наверное, в нём находился источник, потому что в одном месте вода переваливала через край и по каменному желобку сбегала вниз, в другой бассейн, который уже находился вровень с полом. Возле него были сложены две лежанки из камней, покрытые всё той же вытертой кожей.

Мина указала на одну из этих лежанок. Спас положил Матильду туда.

– Принеси воды, – Юна кивнула на стоящее рядом деревянное ведро.

Спас зачерпнул из высокого бассейна и поставил рядом с лежанкой. Юна возилась с одеждой, но снять её с уже окоченевшего тела было не просто.

– Помоги мне, – попросила она Спаса.

– Мне как-то неловко... – начал он.

Но она на него удивлённо посмотрела, заставив замолчать.

– Она же мёртвая. Ей уже не будет стыдно.

Спас смущённо кивнул. Когда они справились с одеждой, то он отметил про себя, что тело у Матильды совсем не старое.

– Дальше я сама, это моя работа, – сказала она ему, – посиди вон там, я тебя позову, – и она указала на вторую каменную лежанку.

Он сел, и стал терпеливо ожидать, пока Юна не закончит омовение. Откуда она могла знать, что нужно было делать, он не понимал. Был единственный вариант. Матильда сама её этому научила, на случай своей смерти. Это было, конечно, странно, но других объяснений не находилось.

Время от времени Юна просила его принести ещё воды, он это делал и возвращался на своё место. Она вымыла ей волосы, отмыла лицо и омыла всё тело. Потом куда-то направилась. Спас хотел спросить, но она опередила его.

– Жди здесь, я скоро приду, – и скрылась в одном из пещерных переходов.

Вернулась где-то через полчаса, неся в руках какой-то свёрток. Оказалось, что это светлый просторный балахон, сплетённый из тонких верёвочек.

– Она давно его себе приготовила, – сказала Юна, – ещё до моего рождения. Говорила, что много раз думала умереть. Сама. Не дожидаясь, пока что-то случится. Хотела одеться так, лечь, и прекратить свою жизнь. Даже придумала как, но мне об этом не говорила. Возможно, это единственное что она мне не сказала. Поможешь её одеть?

Спас кивнул, и они подошли к Матильде.

– Да она же совсем молодая! – вдруг сказал он, поразившись виду молодой, обнажённой и мёртвой женщины, лежащей перед ним. Он как будто видел другого человека перед собой. Этой было слегка за тридцать. И хотя он давно догадывался, что Матильда старит себя специально, но не думал что до такой степени. Оказалось, что она была очень красива, и красоту свою не растратила за многие годы.

– Она специально себя старила, чтобы не быть привлекательной. Тут в пещерах есть такая глина, если намазать ей лицо, она стягивает кожу и получаются морщины, – сказала Юна, – но особо это не помогало. Этим упырям всё равно. Лишь бы женщина.

– Тяжело, наверное, было поддерживать такой маскарад, – сказал Спас.

– Когда ты появился, стало тяжело, потому что приходилось постоянно. А обычно она не так уж и часто выходила наружу. Только когда нужно пополнить запасы.

Они облачили Матильду в приготовленный ей для себя саван.

– Я очень устала, – сказала Юна, – пусть она здесь до завтра полежит. Я отведу тебя домой, а сама пойду к себе. Завтра похороним, и тогда будем думать, что делать дальше.

Спас кивнул. Чувствовал он себя отвратительно.

Глава 5

Кружочек упал чистой стороной наверх. Победили те, кто хотел в отпуск. Судьба благоволила им. Остальным не оставалось ничего другого, как согласиться. Оставалось найти подходящий остров. Всплыв вечером для закачки воздуха и традиционного купания, которое многие не хотели бросать и продолжали заныривать при каждой возможности, они увидели на горизонте остров. Большая скала взмывал высоко вверх. Внизу она становилась более пологой и на склонах угадывались леса. Остров был довольно большой.

Завершив ритуал, Сан Саныч спустился в рубку и, изучив карты в памяти Левиафана, и сверив их с данными датчиков и радаров корабля она по внутренней связи попросила собраться всех в кают компании

Все собрались довольно быстро и с некоторой тревогой ожидали своего капитана. Этот неожиданный сбор был непонятно, к добру или худу. Висела напряжённая тишина. Наконец появился улыбающийся Сан Саныч и все облегчённо выдохнули.

– Что лица такие напряжённые? Испугались? – от него не укрылось висящее в кают-компании до его прихода напряжение, – расслабьтесь. Во время купания все видели остров на горизонте?

Все энергично закивали.

– Этот остров находится как раз посередине между тюрьмой и тем местом, где мы должны встретить Лиану. Думаю, что он вполне подойдёт для наших целей. Нужно разведать обстановку, послать для проверки несколько человек. Но чтоб не как в прошлый раз.

Все загудели и начали оживлённо шептаться.

– Думаю, мы вполне можем остановиться тут на пару дней, если разведка окажется удачной и там безопасно. Но поскольку это территория неизвестная, ночью мы туда не полезем. Подплывём поближе и подождём до утра. Соберём информацию с приборов, разглядим, как следует, эту землю через оптику, и если всё спокойно зашлём разведгруппу. Кстати, есть желающие в неё войти?

Руки всех присутствующих взметнулись как одна вверх. Кроме Машки. Но она огляделась, увидела, что все подняли и торопливо тоже подняла.

– Ясно, тогда либо жребий кинем, либо утром я сам решу. Посмотрим. А сейчас можете спать. Других новостей нет.

Сан Саныч повернулся и вышел из кают-компании. Спать уже никто не хотел, хотя после купания обычно хорошо спалось, и все принялись обсуждать предстоящую высадку. Посмотрев на всеобщее оживление, Машка пошла и поставила чайник, роль которого выполняла большая кастрюля, и принялась делать бутерброды. В дверях кухни появилась Сюз.

– Думаешь, они захотят есть?

– А то ж, всегда хотят. После купания постоянно куски таскают. Как будто я не замечаю. Могли бы и попросить.

– Может беспокоить не хотят?

– Скорее всего. Но сейчас ещё не скоро угомонятся. Так что сметут все, что не выставлю, вот увидишь.

– Помочь?

– Конечно, вдвоём-то оно быстрее будет. На вот, порежь, – и она пододвинула к ней кусок вяленого мяса.

Сюз подёрнула рукава повыше и ловко принялась орудовать ножом. Они наделали целую гору бутербродов с соленьями и мясом, и вытащили их на большом подносе. Машка была права, их смели меньше чем за десять минут. Глядя, как все уминают за обе щеки, она

подмигнула Сюз, тоже взяла бутерброд, откусила большущий кусок и стала с аппетитом жевать. Разошлись по каютам все уже за полночь. Наевшись бутербродов, напившись чаю, и обсудив все возможные события предстоящего дня.

Сан Саныч с Игорем сидели в креслах в рубке управления. Между ними стоял поднос с бутербродами и чаем. Машка и про них не забыла. Но принесла так много, что всё это съесть они были не в состоянии.

На экране графически был отрисован остров со всеми прилегающими подводными рельефами дна. Глубина вокруг него была довольно приличная, это означало, что подойти они могли достаточно близко. Но добраться всё равно пришлось бы на лодках.

– Думаю, для высадки лучше использовать «Капельку», – задумчиво сказал Игорь, – всё-таки странно, даже более мелкие острова были отмечены на картах Левиафана, а этот почему-то нет.

– Ну, всё-таки это же целая планета, история её колонизации не такая уж и большая. Лодочник же говорил, что карты могут врать. Что они довольно приблизительные, – сказал Сан Саныч.

– Посмотри-ка лучше на это, – Игорь указал на вершину горы, – видишь? До этого места гора идёт естественно, глаз ни за что не цепляется, а вот на самой вершине? Приблизь.

Сан Саныч потянулся к джойстику управления экраном и увеличил вершину горы. Теперь и ему стало заметно. Даже странно как это раньше не бросилось в глаза. На вершине был шпиль, уходящий вверх. И, несомненно, он был искусственного происхождения. Сан Саныч включил анализатор, и тот сразу же выдал, что шпиль состоит из металла. Да, сомнений не оставалось, это была рукотворная конструкция. Пока непонятного назначения, но, несомненно, дело рук человека.

– И что это может означать для нас? – спросил он.

– Пока не знаю. Если это артефакт времён колонизации, то, скорее всего, нам будет мало толку. Может здесь была какая-нибудь погодная станция, или что-то в этом роде... – ответил Игорь.

– Или вышка связи...

– Ну, это вряд ли, зачем её ставить посреди океана, вдалеке от всех жилых центров. Сомневаюсь. Если это старая постройка, – сказал Игорь.

– А какие ещё варианты? – спросил Сан Саныч.

– Такие, что это какое-нибудь новое и вполне действующее оборудование. А установить его могли только, – он подняла глаза вверх, намекая на висящую на орбите станцию, – новые хозяева планеты, – сказал Игорь.

– Ну а им, зачем эта вышка посреди океана? – удивился Сан Саныч.

– Не знаю, это просто одна из версий. Но завтра нужно будет быть поосторожней. Группу я сформирую сам. Нужно будет взять самых подготовленных, – сказал Игорь.

– Руди?

– Нет, он не всегда управляемый. Лучше возьму из старичков. Валеру и Крис, например. Думаю, ещё Василису. Возможно, придётся куда-то лезть, а она в этом хороша, к тому же миниатюрная. Наверное, всё, четверых достаточно, иначе это будет уже не разведка, – сказал Игорь.

– А все разве влезут в Капельку? – удивился Сан Саныч.

– Сомневаюсь. Наверное, придётся разделить и высадку произвести перед рассветом, – согласился с ним Игорь.

– Это уже скоро.

– Поэтому нам нужно немного поспать, – Игорь зевнул, – пойду, сообщу тем, кого мы выбрали, что им скоро вставать. Ты сам на вахте останешься? – спросил он Сан Саныча.

– Да. Так спокойней будет, когда сам ситуацию под контролем буду держать, – ответил тот.

К этому моменту лодка не спеша подошла совсем близко к острову, и они вместе положили её на грунт недалеко от берега. Совсем рядом был вход в бухту, но туда пока решили не заплывать. Игорь попрощался и отправился спать.

Ему показалось что он и не спал совсем. Только провалился в сон, как Сан Саныч разбудил его по трансляции:

– Пора, давай собираться, – раздался голос из динамика.

– Принял, встаю! – сказал Игорь удерживая кнопку внутренней связи.

Он быстро оделся, привёл себя в порядок и пошёл будить остальных. Не успели они все собраться в кают-компанию, как Машка появилась и там с четырьмя свёртками.

– Это вам с собой. Неизвестно сколько вы там проторчите. Паёк, так сказать.

Игорь одобрительно улыбнулся, взял свой сверток, и положила в рюкзак. Все последовали её примеру. Они вооружились в арсенале, взяли верёвки, ножи и аптечки. После чего прошли в рубку к Сан Санычу, чтобы ознакомиться с планом местности.

– Солнце взойдёт с противоположной стороны острова. С этой должна быть большая тень. Мы сможем подойти довольно близко. Высаживаться будем двумя группами. Мы с Васей поплывём на Капельке. Вы на лодке. Высаживаться будем здесь и здесь, он ткнул в экран. Близко друг от друга, но не в одном месте. Тут мы сможем подплыть к самому берегу и пришвартовать Капельку к куску скалы, вы высадитесь на пляже, вот тут, где лес подступает к самой кромке воды, – сказал Игорь.

– Чувствую, что высадка связана с чрезвычайной осторожностью. Это на всякий случай, или есть основания ожидать неприятностей, – спросил Валера.

– На всякий случай, но и основания тоже есть, – ответил Игорь, – на острове есть следы пребывания человека. И мы не знаем, старые или новые. Нужно будет выяснить. Про фауну этого острова мы тоже ничего не знаем. Его нет в базе данных. Так что, будем начеку.

– А что самое плохое может нас ждать, – спросила Вася.

Игорь пожал плечами.

– Ну, это может быть какой-нибудь аттракцион для выживальщиков. С дикими животными, например. Да мало ли. Но я, если честно, думаю, что там просто остались следы пребывания человека со времён колонизации. В общем, скоро выясним. Сан Саныч, скажешь всем, что высадка откладывается, но обязательно состоится. Вчера я думал, что разведка будет лёгкой, на предмет очевидных опасностей, но теперь получается, что нам придётся основательно углубиться внутрь острова. На это уйдёт весь день. На поиски группу высылайте, если только нас не будет двое суток. Не раньше, – сказал Игорь.

– Думаю, если вас не будет к назначенному сроку, то пойдём все, – сказал Сан Саныч.

– Ну, все, так все.

– А не придумываете ли вы проблемы, которых нет? – встрял Валера, ему не понравилось, куда начал вырливать их разговор.

– Нужно всё предусмотреть. Даже самое плохое, – возразил Игорь.

– Я всплываю? – Сан Саныч решил перейти к делу.

– Давай Сан Саныч, – Игорь махнул ему рукой, а сам подошла к пульту, повозился с джойстиком, так, чтобы вид острова стал сверху и нажала кнопку печати. Из узкой прорези вылезла лента тонкого пластика с картой острова. Игорь оторвал её и посмотрев, сложил и сунул в карман.

Они пошли в большой грузовой трюм, который называли гаражом. Игорь подошёл к переговорному устройству на стене и нажал кнопку.

– Сан Саныч, открывай кран.

– Принято!

Донеслось из устройства. И тут же внизу забурило и из отверстий в полу начала набираться вода. Её уровень рос довольно быстро. Когда вода поднялась до необходимого значе-

ния, крыша слегка чавкнула разгерметизировавшись и разъехалась в стороны. У Капельки над водой торчала только верхняя выступающая часть с люком. Игорь с Василисой прошли по трапу и залезли внутрь.

Лодка была одноместная. Игорь сел за пульт управления в единственное кресло, а Василиса разместилась сзади, скрючившись по форме корпуса. Игорь нажал кнопку, и задняя стена отъехала, открыв небольшой грузовой отсек.

– Залезай туда, должна поместиться, – сказал он.

– Сюда бы подушку, под попу, чтоб сидеть было поудобнее, и будет вообще отлично, – прокричала Вася, устраиваясь в отсеке вместе с рюкзаками. Благо они были небольшие.

Игорь нажал ещё одну кнопку, и их слегка качнуло. Это фиксаторы освободили Капельку и она свободно закачалась на волнах. Он взялся за штурвал и медленно вывел её наружу.

Валера отстегнул крепления и они с Крис, которая с просонья была очень молчаливой, залезли в лодку, он крутанул торчащую из пола ручку, и платформа на которой стояла лодка стала медленно опускаться, пока не скрылась под водой и лодка не закачалась на поверхности. Он скинул тросик, которым оставалась привязана лодка к металлическому штырю, нажал кнопку на двигателе, тот тихонько заработал и лодка поплыла из гаража.

Как только все оказались снаружи, створки начали задвигаться. Они решили, что Левиафан будет ждать их под водой, и оттуда будут следить за берегом при помощи оптики. Так же обсудили систему условных знаков. Вывешенная в условленном месте белая тряпка означает, что всё чисто и можно их забирать. Красная говорит об опасности, и что им нужно ещё время. Зелёная, означает срочную эвакуацию. Любая другая непонятная активность потребует от тех, кто остался на субмарине, действовать по ситуации. Тряпки разных цветов они взяли с собой.

К сожалению, поддерживать радиосвязь с субмариной не было никакой возможности. Но вот на острове такая возможность у них была. Среди снаряжения Левиафана, оказались портативные системы связи, которые они взяли с собой. Они, правда, не отличались большим радиусом действия, всего около пяти километров. Зато их трудно было запеленговать сверху, из-за их маломощности. Из-за боязни обнаружения, они ими раньше и не пользовались, но сейчас решили попробовать. Провести полевые испытания.

Осторожно загнав Капельку в ложбинку, Игорь подвел её к плоскому торчащему из воды уступу. Включив автопилот, который должен был удерживать её в одном месте во время их отсутствия, такой своеобразный электронный якорь, они выбрались наружу. Возле люка находилась небольшая задвижка, сместив которую в сторону, Игорь приложил руку к чёрному кругу. Несколько раз мигнула зелёная лампочка рядом. Ту же процедуру повторила и Вася. Опять мигнула зелёная лампочка. Игорь нажал на небольшой бугорок рядом с чёрным кругом. Люк задвинулся. Теперь лодка впустит только их, по отпечатку ладони. Ну и тех, кто тоже загрузил свою биометрию. А это были далеко не все обитатели Левиафана. Нужно было Валеру и Крис тоже подружить с лодкой, на всякий случай. Жаль что они раньше об этом не подумали.

В сотне метров от них, там где скальные образования переходили в пляж, Валера и Крис причалили к берегу, быстро выскочили и волоком затащили лодку в ближайшие заросли, которые в этом месте начинались буквально метрах в пяти.

Игорь и Вася, прыгая с камня на камень, побежали к ним. Когда они достигли начала пляжа, то обернулись. Капельку за обломками скал, торчащими из воды, совсем не было видно. Она была ниже и они её перекрывали. Разглядеть её можно было только с моря, или подобравшись по камням вплотную.

Вообще, место для высадки они выбрали довольно удачно. Высокие деревья и торчащие рядом скалы закрывали его почти со всех сторон. Так что издали, их практически невозможно было увидеть. Только светало, и Крис с Валерой, приплывшие на тёмно серой лодке, тоже не должны были броситься в глаза, пока подплывали.

Они встретились на кромке леса. Рядом была бухта, в которую они всё же решили не заплывать. Потому что если на острове и были обитатели, неважно какие, эта бухта была очень удобным местом. Либо для жизни на берегу, либо для причаливания судов, если таковые имеются. Бухта была неплохо защищена от ветра и от волн, имела относительно неширокий вход, но большую глубину, кроме береговой линии.

С неё они и решили начать обследование острова.

– Главное, на что обращайтесь внимание, это на следы присутствия человека, – сказал Игорь, – меня почему-то не отпускает мысль, что здесь кто-то есть. Интуиция, если хотите.

– А что твоя интуиция говорит по поводу диких животных, – спросила Василиса, и по тону было件нятно, что они их считает более опасными противниками, чем люди.

– Говорит что их тут нет, но в реальности всё может быть совсем наоборот, – Игорь улыбнулся, – так что лучше сами убедимся. Они пошли вдоль берега по лесу, так чтобы их не было видно со стороны. Солнце только вставало, лесные жители начинали пробуждаться, то тут, то там начинали чирикать птицы. Почва под ногами была песчаной. Растительность более тропической чем там, где они были до этого. Но ничего непривычного пока не встречалось. Они прошли по берегу поворот в залив и стали точно так же обходить его, оставаясь под прикрытием деревьев.

Несмотря на относительную близость тюрьмы, климат здесь довольно сильно отличался. Снаружи тюрьму омывали холодные воды и обычно дул холодный ветер. Внутри, под прикрытием скал был свой, вполне комфортный микроклимат, но вот снаружи, было довольно сурово. А здесь, почти тропики. Скорее всего, дело было в течениях. Да и сам остров был значительно ближе к экватору.

Песок на пляже был светлый, почти белый. Вода около берега прозрачного голубовато-зеленоватого цвета. Вообще картинка была идиллической, как на рекламе тура пляжного отдыха. Не хватало только домика на берегу. Утренний лес наполнялся звуками разных животных, но судя по голосам не крупных. Кто-то ухал и повизгивал вдалеке. Как будто где-то слышалось мычание. Ну и птицы, с каждой минутой их пение и чириканье нарастало и превращалось в сплошной гвалт.

Они прошли с четверть пути вокруг бухты, когда Игорь остановился и показал сквозь просвет листвы на вершину горы. Отсюда было очень хорошо видно, что там находится гигантский шпиль антенны.

Глава 6

– Я знаю что это, – сказал Игорь.

– Антенна? – спросил Валера.

– Да, но не просто антенна, это пункт межзвёздной связи. При помощи таких станций осуществляется связь между звёздными системами. Она уже в свою очередь ретранслирует сигнал по планете.

– А почему место выбрано посреди океана, – спросила Вася.

– Место высчитывается математически, смотря с какой системой нужно связываться. Планета вращается, летит вокруг солнца, система тоже движется. Поэтому находится оптимальная точка, откуда луч будет чаще попадать в нужную зону.

– Разве это так происходит, – удивилась Крис, – Мне кажется, что сейчас передатчики размещают на орбитах и направляют куда нужно и когда нужно.

– Сейчас-то да, а это устаревшая технология. Времени начала колонизации. Этим уже больше тысячи лет не пользуются. Слишком неэффективно и громоздко. Но кое-где эти штуки сохранились, как памятник технологии.

– Ты то откуда это знаешь, – спросила Вася, – связистом что ли был?

– Нет, но мы всё это изучали. Связь в армии вещь основополагающая. Но эти штуки уже история, – ответил Игорь.

– Тысяча лет? История колонизации этой планеты гораздо меньше. Откуда тут тогда эта штука? – спросила Крис.

– Ну я так, образно сказал. Если были сложности с финансированием, могли и устаревшее оборудование поставить, – сказал Игорь.

– Да вроде как не было сложностей. Наоборот, много денег поначалу в эту планету вкладывали. Странно всё это, – сказала Крис.

– В любом случае, это штука старая. Вряд ли кто-то её охраняет. Предлагаю сразу пойти к ней и посмотреть что и как.

– Разумно, – согласилась Крис, – где сама станция мы не знаем, но исходя из карты, бухта самое удобное место для причала, если они не только воздушным транспортом пользовались. А значит, от неё должна быть дорога, пусть и старая, но увидеть мы её должны. Так что, предлагаю дойти до середины пляжа, а потом углубляться в лес, в сторону горы.

Так они и сделали. За всё время пути им не подалось ничего, что напоминало бы о присутствии здесь человека. Ничего, кроме торчащего над горой шпиля. Когда они дошли до середины бухты, Крис молча указала на пляж.

– Что? – Спросила Василиса, – Я ничего не вижу.

– Здесь береговая линия как то странно изгибается, как будто выступает в море. Это может быть и естественный изгиб, а может раньше, тут была какая-то постройка, след от которой мы видим. Её полностью разрушило и занесло песком, но остатки фундамента изменили береговую линию. Возможно, что это просто игра природы. Но свернуть я предлагаю именно здесь, хоть какая-то зацепка, – сказала Крис.

Игорь её поддержал. Так они и сделали. Лес просто кишел живностью.

– Похоже, что хищников здесь нет, – высказал своё наблюдение Валера, – слишком много непуганой дичи.

– Молодец, глаз настоящего охотника, – Крис ласково потрепала его по волосам, – перед возвращением нужно будет подстрелить какое-нибудь копытное, я видела козу. Принесём свежего мяса. У нас с продуктами всё нормально после тюрьмы, но свежатинка не помешает.

– Но следов дороги я по-прежнему не вижу, – продолжил Валера.

– А я, кажется, вижу, – сказал Игорь, – ты не обратил внимания, что мы идём по очень ровному лесу, хотя по бокам и камни, и овраги и холмики. А тут как будто кто-то расчистил дорогу. Она, конечно, сильно заросла, да и покрытие не сохранилось. Но очень похоже, что эта полоса ровного леса рукотворная.

Валера остановился и огляделся, его примеру последовали и Крис с Василисой. Действительно, справа был овраг, слева россыпь валунов. Но за ними и впереди них земля была довольно ровной. Валера достал нож и воткнул в землю. Тот вошёл по самую рукоять, не встретив сопротивления.

– Если дорожное полотно и было, то оно полностью сгнило, из чего бы оно не было сделано, – попытожил он. Но разве за столько лет, что все следы уничтожены временем не мог образоваться овраг посреди дороги, или те же валуны перекатить каким-нибудь бурным потоком.

Игорь пожал плечами.

– Всё могло быть. Я бы сам на все эти мелочи не обратил внимания, если бы не вот эта штука, и он указал на шпиль антенны. Она даёт контекст для этих мелочей, и они все складываются в определённую картину.

Они пошли дальше. Остров был в диаметре не меньше пятидесяти километров, гора возвышалась в самом центре. От пляжа до её подножия было не меньше десяти километров, а скорее все двенадцать – тринадцать. Но и до подножия идти приходилось всё время в гору. Берег поднимался, хотя и не так резко. Через какое-то время стало совершенно очевидно, что они идут по старой дороге. Потому что она была действительно очень ровной, относительно окружающего ландшафта. А ещё чуть позже, они нашли целый, хорошо сохранившийся кусок, и даже если сомнения были, то тут они окончательно отпали.

Уже давно слышался шум потока. И вот лес неожиданно расступился, и они вышли к изгибу реки, которая выбегала из леса, упиралась в отмытый и отполированный течением кусок скалы и, не сумев его преодолеть, опять убегала в лес. Дорога, теперь уже не было сомнений, что это она, проходила как раз по этому каменному образованию, поток бился в него метрах в трёх ниже. И было видно даже невооружённым взглядом, что верх этого куска скалы очень ровно и аккуратно срезан, а по его краю, над потоком, вырезаны из скального массива аккуратные столбики высотой с полметра, квадратные в сечении, со стороны сантиметров двадцать и на расстоянии примерно метра друг от друга.

Теперь уже было совершенно очевидно, что это дорога, а это столбики безопасности, которые не позволят неосторожному водителю улететь в бегущую с горы речку. Столбики сохранились на удивление хорошо. Не хватало только одного, и парочка была обломана пополам, ещё на нескольких были незначительные сколы. Но в целом они были идеальны. Наверняка их вырезали лазером из самого тела каменной плиты. Те, которые треснули и сломались, наверное, имели изначальный дефект или слабое место.

Метров через сорок торчащий из земли кусок скалы заканчивался, а вместе с ним заканчивался и кусок сохранившейся дороги, и начинался опять лес. Но теперь они знали, что всё верно поняли. Они были на верном пути. Валера подошёл и провёл рукой по одному из столбиков.

– Лазерная резка, никаких сомнений.

Поверхность была очень гладкой и прохладной. Прикоснувшись, он почувствовал, что это было сделано очень давно. Объяснить он этого не мог, почему именно так. Но ощущение было очень сильным. Он убрал руку, и заметил, что все на него смотрят.

– Ты как будто откровение получил, – шутливо сказала Василиса.

– Может так, оно и было, попробуй сама, – пробурчал Валера, потирая ладонь о ладонь. Она подошла, положила руку, пожалала плечами и убрала.

– Камень как камень. Да, обработанный человеком, но ничего необычного, – сказала Вася.

– Человеком ли? – таинственным голосом сказал Игорь.

Он хотел пошутить, но почему-то от этих слов повеяло холодком и сделалось очень неуютно. Все вдруг осознали, что стоят на необитаемом острове посреди океана, на странной планете и не знают, что их ждёт дальше. Они поплотнее перехватили оружие и молча двинулись дальше.

Со стороны казалось, что подножие горы отделено от лежащего внизу леса, но в реальности этого перехода они не заметили. Просто, в какой-то момент осознали, что подъём стал гораздо круче. Так они шли ещё какое-то время, пока неожиданно дорога не вынырнула на небольшое плато и пошла горизонтально, но всё так же прямо. И самое удивительное, что в дальнем конце этого самого плато стояла хижина. Ну, или домик. Видно, что старый и покосившийся, но вполне себе целый. Перед домиком угадывались грядки с культурными растениями, а сбоку был сад. Именно, не кусок леса, а сад. Он был даже обнесён забором. Тоже довольно ветхим, но целым.

Было видно, что раньше всё плато служило для выращивания. Но сейчас, большая часть была заброшена. Забор, который шёл так же по всему периметру этого плато, был разрушен. Дорога, по которой они пришли, раньше была перекрыта воротами, но теперь они валялись по бокам вместе со столбами, на которых висели. Видно, опоры подгнили и рухнули.

Всё это открылось их взору неожиданно, так что они даже остановились, но переглянувшись, пошли дальше. По всей обстановке было непохоже, что им может здесь угрожать опасность. Поэтому, они даже не стали прятаться и посылать кого-нибудь в обход, а просто пошли прямо, только не сговариваясь, сняли с предохранителя свои лазерные винтовки.

Всё, что находилось на этом плато, было тоже ветхим и старым, но по сравнению с дорогой, полностью уничтоженной временем, можно сказать, что сделано вчера. Здесь всё было понятно. Разметка поля на квадраты. Разрушенные и ещё целые заборы, и самое главное – дом. Если здесь и нет людей, то они были здесь, ещё относительно недавно. Может годы назад, но даже не десятилетия.

Подойдя поближе к дому, они поняли, что и это ошибочно. Грядки, которые находились рядом с домом, были возделаны и ухожены. Значит, здесь кто-то до сих пор жил. Хозяйство было, похоже, натуральным. Всё, что попадалось на глаза, было сделано своими руками. Не было видно никаких следов технологий. Даже просто железных вещей и инструментов на глаза не попадалось.

Они подошли к дому вплотную. Никого не было видно. Возможно, хозяева увидели их и, испугавшись незваных гостей, попрятались. Было желание заглянуть в дом, но понимая, что там живут, без приглашения этого делать не хотелось. Они огляделись. Без сомнения, здесь кто-то жил. Вход, в обнесённый забором сад, был закрыт плетёной калиткой. Возделанные грядки тоже были обнесены по периметру плетёной невысокой изгородью, а где-то, как ограда, просто торчали натыканные в землю ветки. Как будто хозяйство поддерживали из последних сил.

– Не могу понять, вы настоящие или я уже совсем, наконец-то, спятил, – раздался скрипучий голос.

Они аж подпрыгнули от неожиданности. Прямо перед ними, на старенькой лавочке у стены дома сидел старик. Его одежда, напоминающая лохмотья, волосы и кожа, всё было цвета выцветшего дерева, и полностью сливалось со стеной дома. Как будто он специально так замаскировался.

– Да не пугайтесь, я, если бы даже и захотел, то не смог бы причинить вам никакого вреда. И лучше что-нибудь скажите, а то я опять начинаю думать, что вы мне мерещитесь.

– Здравствуйте, – спохватилась Крис, – простите, что нарушили ваш покой.

– Оооо! Сколько лет я мечтал, чтобы хоть кто-то нарушил мой покой. Но, как там говорят? Лучше поздно, чем никогда.

– Мы плыли через океан, увидели этот остров и решили прогуляться, – Крис решила, что лучше будет не начинать с расспросов, а рассказать о себе, – потом увидели эту штуку и захотели посмотреть поближе. Мы даже и представить не могли, что здесь кто-то живёт.

– Да, я и сам долго представить не мог, что здесь живу. Но потом привык.

– Скажите, мы можем вам чем-нибудь помочь? – спросил Игорь.

– Уже, наверное, нет. Хотяааа... – протянул старик, – многие годы я мечтал съесть кусочек хлеба. С тех пор как я здесь живу, у меня крошки во рту не было. А так хотелось! Я бы душу за него продал.

– Конечно! – Валера скинул рюкзак и полез рыться.

Он достал сверток, который собрала каждому Машка, и мысленно поблагодарил её за предусмотрительность.

– Есть ещё мясо, солёные овощи...

– Нет, я мечтал именно о хлебе.

Валера взял кусок хлеба и протянул деду. Потом тут же, взял весь оставшийся и протянул тоже. Тот взял, положил на лавку рядом с собой, оставив в руках один кусочек. Медленно поднёс его ко рту и бережно, даже как-то ритуально, откусил. Начал медленно пережёвывать, прислушиваясь к собственным ощущениям. Зубов у него осталось, похоже, совсем мало, поэтому он размачивал хлеб во рту и перетирал в основном дёснами. Все терпеливо ждали, пока он насладится. Съев медленно один кусочек он, наконец, взглянул на них и сказал:

– Странное свойство разума, делать культ из недостижимого. Да, это вкусно. Но, как оказалось, я этот вкус совсем не помню. Я себе уже давно его сочинил, потому что настоящий забыл. Тем не менее, мою многолетнюю мечту вы всё равно исполнили. Так что, просите что хотите, – он хохотнул, – только вот, нечего мне вам дать.

– Мы будем благодарны, если вы расскажете нам об этом месте, о себе и о том, как так получилось, что вы здесь живёте совсем один, – спросила Крис.

– Это можно, потому что поговорить с людьми, это моя вторая мечта. Только вы сядьте, а то, как будто уже уходит собираетесь. Я так неуютно себя чувствую. Вон, там за углом дома, дрова заготовлены, – он сделал паузу, – много лет назад, пока ещё силы были.

Сёма с Игорем сразу же пошли туда, куда он показал, и вернулись, неся по два пенька под мышками. Они поставили их полукругом, расселись и приготовились слушать, почему-то немного чувствуя себя детьми.

– Ну что вам рассказать? Даже не знаю с чего начать, хотя, год за годом представлял раньше, как буду рассказывать кому-нибудь свою историю. Честно говоря, думал, что и не доведётся уже.

– Сколько лет вы здесь прожили? – спросила Крис.

– Ой, девочка, спроси что полегче. На этот вопрос я ответить не смогу. Как-то так получилось, что я сбился со счёта, после первой сотни. Хотя, казалось бы, как тут собьёшься? Ставь себе чёрточки, или клади хоть камушки, каждый раз, когда день начинает увеличиваться. Но тогда у меня были проблемы. Отметив сто лет на острове, я начал сходить с ума. Возможно, как раз юбилей и послужил отправной точкой. Меня очень ужаснула эта цифра. И если до этого я как-то надеялся, что за мной прилетят, или случайно кто-то сюда забредёт, то после сотни резко, в один день, все надежды рухнули. Я быстро начал дичать. Да не просто начал, одичал совсем. Бегал голый по лесу, ел что придётся. Создал свой мир в фантазиях и в нём жил. Как не умер, до сих пор не понимаю. Потому что продолжалось это годы. Не знаю сколько, но много. Я тогда за временем не следил, вообще мало что понимал. Потом, когда вспоминал об этом, мне казалось, что это был вообще не я. Может, так оно и было. Может моя личность, каким-то странным образом вывалилась из тела, оставив только животную оболочку. И спустя

годы, нашла какую-то возможность вернуться домой. Сто лет это огромный срок, так мне тогда казалось.

– Действительно огромный, мне даже представить трудно, – вставила Вася.

– Да, но теперь это кажется мигом. Мне казалось, что одичание длилось не меньше, хотя это, конечно, не так. Однажды утром я проснулся, и мне стало стыдно. За всё. И теперь я считаю стыд основным качеством, отличающим человека от животного. Животному не стыдно, оно вообще не знает что это такое. И пока я не чувствовал стыда, я жил как животное. А потом этот резкий укол, и с него началось моё возрождение. Я обрёл себя заново. Но смог это сделать только после того, как обрёл стыд. Хотя, казалось бы перед кем? Тут же нет никого. Перед птицами? Но мне было достаточно, что стыдно перед самим собой. А может и перед богом. Может это он меня вразумил.

– Вы верите в бога? – спросил Игорь.

– Конечно! Попробуйте жить на необитаемом острове и не верить. Посмотрю я на вас. Только беседы с ним и спасали меня все эти бесконечные годы.

– И он вам что-нибудь говорил? – любопытствовала Василиса.

– Нет, конечно! Он же бог! Он не должен со мной разговаривать. Это я говорил с ним. Эх, девочка, все эти ошибки от того, что многие представляют себе человека в должности Бога, но это большое заблуждение, из которого следуют все остальные.

– Какие?

– Ну, например такие, что ОН где-то. А он нигде, и в тоже время везде. Мы не можем его осмыслить, но можем говорить с ним.

– А почему же он не может говорить с нами? – не унималась Вася.

– Вот видишь травинка? – старик указал на растущий одиноко стебелёк, – представь, что ты для неё бог. Сможешь ли ты ей что-то сказать, чтобы она поняла? Но ты можешь увидеть, что она засыхает и полить её, или увидеть, что её душат сорняки и выдернуть их. Видишь, вы можете общаться, но на другом уровне. Так же и с Богом, только ещё сложнее... и в то же время проще. Но мы отвлеклись.

– Вы настоящий философ, – сказала Вася.

Глава 7

– Я много говорил и думал, – ответил старик, – признаюсь в одной вещи. Мне немного странно, что вы меня понимаете. Разговаривая вслух много лет, мне порой казалось, что слова потеряли смысл, или что я забыл, как они правильно произносятся, и выдумал им замену. Я думал, что если вдруг здесь появятся люди, то они не поймут ни слова из того что я говорю, потому что я уже придумал свой язык. Это всё оттого, что никто не слышал мою речь много лет.

– Мы вас отлично понимаем! – подбодрила его Крис, – вы говорите на чистейшем русском, без всякого акцента и искажений. Вашей речи можно позавидовать.

– Спасибо, это приятно слышать. Возможно, это потому, что я практиковался каждый день на протяжении многих лет. Но, сам-то себя я убедил, что говорю на собственном языке.

– Так как вы здесь оказались? – спросила Крис.

– Меня забыли, когда началась эвакуация. Вот так, без какой либо романтики и таинственности. Меня просто забыли. Я отвечал за электросети, отправился исправлять неисправность на дальней подстанции, долго провозился, случайно разбил переговорник, а когда вернулся, никого уже не было. Я, конечно, видел, как взлетали и садились корабли, мы, кстати, – он обвёл плато рукой, – сидим на бывшем космодроме. Хотя, это громко сказано, просто посадочная площадка. Но я не думал, что происходит полная эвакуация. Немыслимо было, что узел межзвездной связи эвакуируют. Конечно, я сам виноват, что разбил переговорник. Но меня можно было забрать. Тут было полно летающих скутеров, весь персонал пользовался ими. Но никто этого не сделал. Либо забыли, либо бросили. Я выбрал вариант забыли, мне он кажется менее обидным. Суматоха и всё такое, а потом, конечно, уже никто не стал возвращаться.

– Из-за нелепой случайности, вы оказались обречены на жизнь в одиночестве... это страшно... – задумчиво сказал Валера.

– Из-за нелепых случайностей постоянно гибнут люди. Мне ещё, можно сказать, повезло. Я прожил долгую жизнь. Конечно, не такую какую хотел, но, возможно, у Бога были на меня какие-то планы. Может быть, я должен был дожждаться вас.

– Не хотелось бы, чтобы мы являлись причиной ваших злоключений, – осторожно сказала Крис.

– Не переживай, я рад что вы здесь. Вам это покажется странным, но когда я сегодня вышел из дома, я уже знал, что не вернусь обратно. А когда увидел вас, то понял, что так оно и будет.

– Почему? Вы ещё поживёте! – попыталась подбодрить его Василиса.

– Я и так уже слишком долго живу. Наверное, хватит. Мне повезло, что мой последний день выдался таким хорошим. Погода прекрасная, я встретил людей, поел хлеб. Мне больше нечего желать. Кроме того, чтобы успеть закончить свою историю.

– А вы знаете, почему всех эвакуировали?

– Догадываюсь. Наверное, из-за войны. Кстати, вот о чём нужно вас спросить! Раз уж вы здесь, значит, мы победили в той войне?

– В какой? – осторожно спросила Крис.

– С бесами!

– С какими бесами? – пытаюсь быть предельно деликатной, уточнила Крис.

– Я понимаю, что это давно было, но про войну с бесами-то вы должны знать. Столкновение с инопланетной цивилизацией. Что? Сейчас вообще уже историю не учат? Ну, если вы здесь, а вы, судя по всему не бесы, значит, наверное, мы победили.

Повисла неловкая пауза. Никто не знал что сказать. Вдруг резко стало очевидным, что старик, проживший здесь столько лет в одиночестве, давно уже спятил. Валера откашлялся негромко и решил возобновить диалог.

– Вы знаете, за давностью лет, возможно, некоторые события сейчас называются по-другому. Если вы нам расскажете поподробнее, возможно мы поймем, о чём идёт речь.

Дед вздохнул.

– Я ведь с тех пор вообще никакой информации не получал. Ну ладно, давайте сначала. Как будто вы чистый лист и вообще ничего не знаете. Эта планета, Эльдорадо, как её назвали, первая колонизированная Землянами планета.

– Чтоооо? – все почти крикнули хором не в силах сдержать удивления.

– Вы что? Даже этого не знаете? – спросил старик.

– Давайте так, – спокойно сказала Крис, – сначала вы расскажете свою версию, потом, если вам будет интересно, мы расскажем свою. Потому что слишком многое не сходится. Давайте послушаем просто как историю и постараемся не реагировать излишне эмоционально, – последние слова Крис сказала с нажимом, обращаясь к своим спутникам, – простите, мы ведь даже не спросили, как вас зовут! – спохватившись, обратилась она к старику.

– Зовите Лука. Так меня называли. Сам-то я себя никак не зову.

– Лука, продолжайте, пожалуйста, расскажите нам всё.

– Ладно, начнём прям с истоков. Когда человечество вышло в космос и научилось летать по галактике, между звёздами – после того, как Ванюков придумал свой чудо-двигатель, задачей номер один было найти планету пригодную для колонизации. Где можно бы было поселиться людям. Чтобы у человечества появился ещё один дом, и оно не было бы так уязвимо. А то ведь, один большой астероид мог прервать историю человечества. Пока всё сходится?

– Да, но это было более полутора тысяч лет назад, – сказал Валера.

– Да? Так давно? А я тогда уже жил, – сказала Лука.

– То есть, вам полторы тысячи лет? – тараща глаза, спросила Василиса.

– Наверное. Меня эта цифра совсем не удивляет. Мне кажется, что я живу уже вечность. Если бы вы сказали, что прошло десять тысяч лет, я бы тоже не удивился. Для меня счёт времени уже давно потерял смысл.

– Это невероятно, – пробормотала Василиса.

– А чему ты собственно удивляешься? – спросила Крис, – Лиане сто пятьдесят, а она молодая пока. Многие из первопоселенцев ещё живы, а это пять сотен лет. Опять же, Лиана говорила, что никто не знает какой предел, сколько здесь может прожить человек – она повернулась к Луке, – по нашей версии, наверное, это была вторая волна колонизации. Удивительно то, что про первую нам не известно. Продолжайте, пожалуйста.

– Множество экспедиций летали от звезды к звезде, там, где были планетарные системы и искали подходящую. И наконец, нашли. Сейчас точно не помню, но поиски начались примерно, когда я родился, а нашли ее, когда я был молодым парнем, который только отучился и хотел стать первопроходцем. Эта планета оказалась настолько подходящей для людей, что в это даже было трудно поверить. Состав воздуха был пригоден для дыхания, а вредоносные вирусы и бактерии, которые бы могли убивать людей, так и не были обнаружены. Просто рай. Потому её и назвали Эльдорадо. Довольно дружественная флора и фауна. Планета вообще очень похожа на Землю. Если ты идёшь по лесу, то вообще невозможно понять, где ты находишься. Ну, если не попадётся одно из каких-нибудь экзотических растений.

– Боже, да вы, похоже, самый старый человек во вселенной! – не сдержался Валера.

– Возможно, если на каком-нибудь острове не забыли тогда ещё кого-то, кто постарше меня, – и он скрипуче рассмеялся.

Несмотря на всё пережитое и долгую изоляцию, чувство юмора у него сохранилось.

– И вот, после всевозможных тестов, исследований и анализов, на планету поселили общину добровольцев. Уже без всяких скафандров и защитных средств. Всё прошло удачно, и через несколько лет началась уже массовая колонизация. Вот тогда-то я и прилетел сюда. И принимал участие в возведении этого чуда, – он махнул рукой в сторону шпиля торчащего над горой.

Лука замолчал и задумался о чём-то своём.

– И что же было дальше? – деликатно спросила Крис.

– А дальше, человечество встретило в космосе другую расу. Бесов. Это мы их так прозвали. Потому что они были уж очень похожи. Внешне, почти точно как люди. Ну, может, немного что-то не то в лицах. Какие-то слегка другие пропорции. Вот смотришь, и не знаешь почему, но сразу понимаешь – Бес!

– А почему их так прозвали? – спросил Игорь, – за злобный нрав?

– Да нет, за внешний вид. У них рога были и хвост. Если правда, что наши предки скакали по деревьям, в чём нас всегда пытались убедить, то у этих, наверное, паслись на поляне. Рога были небольшие, но вполне себе натуральные, как на картинках бесам рисуют. И хвост был. В среднем около полутора метров. Но он у них был совсем не рудимент. Он типа третьей руки. Без пальцев, разумеется. Управлялись они с ним ловко. Могли брать, держать, да и в драке он давал им бесспорное преимущество. Они на него железный штырь надевали, типа тонкого кинжала, и в неожиданный момент всегда могли пырнуть.

– А что, и до рукопашных доходило? – с любопытством спросил Игорь, попав на близкую ему тему.

– Конечно, война же шла. И без рукопашных не обошлось.

– А можно поподробней, как всё это начиналось? – спросил Валера.

Все уже забыли, что посчитали старика сумасшедшим и теперь с интересом погрузились в его рассказ, почему-то поверив, что он говорит правду. Возможно, потому что он сам в это верил. По крайней мере на время, про скепсис все забыли.

– Начиналось-то? Да обычно начиналось. Один из наших исследовательских кораблей встретил их, наверное, тоже исследовательский корабль. Неожиданно встретились, нос к носу, прям вот даже, чуть не столкнулись. Странно, да? Космоса им не хватило. Когда поняли что это другая цивилизация, эти самые исследователи испугались, конечно, сильно. Но на этот случай были протоколы специальные. Они в соответствии с ними и стали действовать. Летать-то меж звёзд научились, а вот со связью проблемы тогда были, не знаю как сейчас. Сообщить не могли. Поэтому контакт самим пришлось устанавливать.

Бесы эти, надо сказать, похожие эмоции, судя по всему, испытали. И трудности те же. В общем, висят два этих корабля в космосе. И на каждом из них состояние шока. Только что были властелинами галактики, и тут на тебе, конкуренты. Никакой радости от встречи не испытали: мол, мы не одни во вселенной, мол, здравствуйте братья по разуму. Нет, ничего такого не было. Было только ощущение страшной угрозы. Неизвестно ведь, что у них на уме. И на какой ступени развития находятся. Если мы сильнее, то это ещё ничего, а вдруг они? Получается, это конец человеческой расы? Страшно, короче.

А ещё было страшно оттого, что кроме тех, кто на корабле, об этой угрозе никто не знал. Продолжали дети ходить в школы на Земле, люди на работу, исследователи продолжали исследовать космос. А эти триста человек уже знали, что космос принадлежит не только им. Такая ответственность!

Но они же были учёные, как-никак. Стали пытаться наладить контакт. Посредством световых сигналов в математической последовательности. И дело пошло. Те ответили, стали другие последовательности в ответ вымигивать. В общем, за месяц, примерно, научились кое-как примитивно объясняться. Но не они, не мы в тонкости не лезли, не пытались ничего выяснить,

сосредоточились на том, что пытались научиться разговаривать. Коммуницировать, как они это называли.

Когда стали немного понимать, договорились, что нужно привезти более полномочных представителей своих рас для полноценного контакта и установления дипломатических отношений. Решили, в чём будут измерять время, чтоб встречу назначить, в какой-то длине волн, я уж не помню. И договорились встретиться на этом же месте, примерно, по земному времени, через два с половиной месяца. Этого времени вполне хватало, чтобы слетать на Землю и подготовить дипломатическую экспедицию.

Верховное правительство, конечно, не полетело, мало ли что. Но всё равно, самый цвет дипломатии собрали. К такому контакту всегда, на всякий случай, готовились и были сценарии и протоколы. Так что, собрались без особых сложностей и полетели. Встретились, как и договорились. Наши на трёх кораблях, они так же. Об этом заранее условились. Чтоб без неожиданностей и никто не подумал, что на них напасть хотят. Покумекали, пообщались учёные между собой и, не смотря на некоторую разницу в технологиях и подходах, сумели соорудить приборы, которые могут взаимодействовать и наладили видеосвязь. Законы физики-то одни на всех действуют. Вот тут-то мы их впервые и увидели, до этого же только огоньками перемигивались. Ну не мы, те, кто был в миссии. Остальное человечество несколько позже.

– Испугались, когда увидели-то? – спросила Василиса.

– Нет, что ты! Обрадовались! И они, похоже, тоже.

– Почему?

– Никто не знал, кого мы встретили и поэтому готовились к худшему. Там могли и улитки какие-нибудь разумные оказаться, к примеру. Или, не знаю, пауки! А оказались, почти такие же люди. Ну, подумаешь, рога и хвост. Мелочи. Такого сильного сходства с другой расой, которая развивалась независимо от нас, вообще никто не ожидал. Поэтому, когда их наши увидели, чуть ли не в пляс пустились. И даже им прямо об этом и сказали. Мол, оказывается, разумные расы развиваются в одном направлении даже физически. Значит, так природой заложено. Они эту радость разделили с нами и тут общение вообще очень хорошо пошло.

Про искусство, про культуру, про науку, правда, осторожно обходя военные и самые передовые разработки. И тут они спрашивают, а когда вы в космос вышли? Покинули первый раз родную обитель, так сказать? Ну, наши учёные быстренько пересчитали в межрасовые временные единицы и сказали. И тут они говорят – «Аааа, понятно, ну мы-то раньше, значит, космос наш, по праву первого, а вам нужно вернуться на свою планету и не высовываться. Мы вас не тронем. Вы главное сами не вылазьте.»

– Странная логика, а как они доказали, что первые были, сказать то что угодно можно? – возмутился Валера.

– А никак! Наши дипломаты тоже пытались их спросить, говорили, что нужно было заранее условия-то озвучивать, а не так, перед фактом ставить. А они говорят, мол, если бы мы заранее вам условия сказали, вы бы нас могли обмануть. И нам пришлось бы оставить космос. А мы, говорят, по нашим правилам, были к этому готовы. Наши им отвечают, мол, может, и вы нас обманываете? А они говорят, что нет, мы честные. И подтверждает это то, что мы тоже готовы были от космоса отказаться. Наши говорят, что, мол, как подтверждает, это всё только ваши слова, которые поворачивают ситуацию в вашу пользу. А фактов никаких. А они опять – мы честные, мы врать не будем. Наши предлагали поделить галактику на зоны. В ней же сотни миллиардов звёзд, ни одна цивилизация не сможет всё исследовать или освоить. А они ни в какую, говорят, это вопрос принципиальный.

– Какая-то дурь, – возмутился Валера.

– Как оказалось не дурь, а просто манипуляция. На дурака хотели проскочить. Ушли бы мы, во что они и сами не верили, они бы всё равно потом на нас напали. А так, получается, войну объявили, только таким замысловатым способом. Возможно, чтобы своему народу объ-

яснить, почему им воевать приходится. Возможно, что для них этот аргумент был убедительным. У нас все эти видео с переговоров были в открытом доступе. И по телевизору их крутили постоянно, и на всех цифровых ресурсах они были без купюр. Целиком. Так что всё человечество понимало, что дипломаты ни при чём, и если уж кто решил с нами воевать, то это решение целиком на его совести. И война эта справедливая, за жизнь человечества. В добровольцах недостатка не было. В общем, вот так война и началась.

Лука замолчал и посмотрел в небо. Все ждали, что он продолжит, но он продолжал молчать.

– Очень странно, – сказал, наконец, Игорь, – мы про эту войну вообще ничего не знаем. Конечно, много лет прошло, но не могли же про неё просто забыть.

– Забыть вряд ли, но вот каким-то образом стереть из истории, вполне возможно, – ответил Валера.

Каждому из них хотелось добавить фразу – «если это правда», но они этого делать не стали.

– Одно радует, – сказал, наконец, Лука, – что у вас рогов нет! Ведь нет же? – и он пристально на них посмотрел, а затем рассмеялся своим скрипучим смехом, – а это значит, что мы победили. Независимо оттого, знаете вы о войне или нет.

– Мы как-то с Лианой разговаривали на тему войны, ну вообще всех войн, и она мне рассказала то, что ей говорил её дед, – сказал вдруг Игорь, – он родился лет пятьсот назад. Если мы всё правильно подсчитали, то это, примерно, через тысячу лет после этих событий. И он ей рассказывал, что раньше ходили слухи про какую-то войну, которую стёрли из истории. Стирала долго и постепенно, но основательно. Война с чужой расой всегда казалась фантастикой, поэтому никто не верил в эти слухи и тем более в то, что такое большое событие можно как-то заставить забыть. Она и сама никогда не верила. Относилась как к легенде. Как к сказке. Рассказала мне, потому что к слову пришлось, в тему разговора. Но теперь, выслушав свидетельства очевидца, я уже практически не сомневаюсь, что это правда.

Глава 8

Старик улыбнулся.

– Правда, дружок, правда...

– Но должен признаться, если бы я не слышал историю об этом раньше, то вряд ли поверил бы сейчас, – сказал Игорь.

– А я ничего подобного и не слышал, – сказал Валера.

– Я тоже, – согласилась Крис.

– И я, – поддакнула Василиса.

– Да уж, интересно, получается, – сказал Лука, – судя по всему, войну мы выиграли, но её зачем то стёрли из истории. Хотя, обычно, победами принято гордиться.

– Если победы не одержаны каким-нибудь позорным и бесчестным способом, – задумчиво сказал Игорь.

– А разве могут быть бесчестные способы, если речь идёт о выживании расы? Говорят, на войне все средства хороши. Слышали такое выражение? Раньше популярно было, когда мы с бесами схлестнулись, – сказал Лука.

– Да, наверное, – согласился Игорь, – правду мы теперь вряд ли когда-нибудь узнаем. И непонятно, что это за история с двойной колонизацией. С промежутком в тысячу лет.

– Ну, раз эта антенна сохранилась, может быть есть и ещё какие-нибудь следы первой колонизации? – сказал Валера. На языке опять вертелась фраза, «если она была», но он опять сдержался.

– Ну, если где что и осталось, то это в «Сердце Планеты», наверное.

– Где? – переспросил Игорь.

– Здесь есть такой небольшой континент, по форме напоминающий сердце. Не то сердце, которое стрелами протыкают на картинках, а натуральное, человеческое. На нём был основной центр колонизации. Романтики назвали его «Сердце планеты». Планету назвали «Эльдорадо», я ведь говорил?

Все закивали.

– А столицу назвали Сердце планеты, но, все говорили просто – Сердце. Я живу в Сердце, или там, нужно побывать в Сердце, когда в Сердце собираешься. Как-то так. Там много всего понастроили. Хотя, может уже ничего и не осталось. Время пережёвывает бетон как хлебный мякиш. Тут вот раньше бетонное взлётное поле было, я тоже, кажется, говорил уже...

Видно было, что дед устал и начинает заговариваться.

– А шпиль, – дед вяло махнул рукой вверх, – он из какого-то особого сплава, не подвержен коррозии совершенно. Дорогушая штука, но для первой человеческой колонии денег не жалели.

– А тогда было известно, что люди здесь стареют гораздо медленнее? – спросила Вася.

– Нет, говорили только, что она благотворно влияет на здоровье. Но проверить это времени не хватило. Я думаю, если наш узел связи эвакуировали, то и всю планету тоже. Если бы здесь остались колонисты, то сюда бы уж точно наведались. Связь, она ведь первое дело...

Он замолчал и слегка прикрыл глаза, как будто задремал.

– Игорь, а ты знаешь, где этот континент? – спросил Валера, – ты же карты изучал?

– Подозреваю. Но не уверен. Вернёмся на Левиафан, посмотрим. В нём карта всей планеты есть.

– Это далеко отсюда, прямо под нами, на другой стороне планеты, – сказал вдруг Лука, как будто проснувшись, и опять закрыл глаза.

– Не знаю как вы, а я проголодался, – сказал вдруг Игорь и разрядил этим ситуацию, потому что все немного растерялись и не знали, что делать дальше.

– Хорошая мысль, – согласилась Василиса, – а то мы так рано встали, что у меня кусок в горло не полез, а теперь уже давно в животе урчит.

– Сходите в сад, там много фруктов разных у меня, – сказал Лука, опять слегка приоткрыв глаза и вяло взмахнув рукой. Видно, его очень вымотал разговор, и он теперь находился в полудрёме. Но всё слышал и понимал.

– Я пойду, – сказала Крис, – Валер, ты со мной?

– Да, конечно, почему нет?

– А вы пока что-то вроде стола организуйте, там же есть ещё пенёчки, – Крис посмотрела на Игоря.

– Да, полно.

Все выложили свои свертки, и Василиса стала их разворачивать.

Валера взял стоящее у входа пустое деревянное ведро, выдолбленное из пенька, с плетёной ручкой, посмотрел на хозяина, намереваясь спросить, можно ли им воспользоваться, но решил не беспокоить и они с Крис направились к калитке в заборе, огораживающем сад.

– Ну, что думаешь? – спросила Крис, когда они немного отошли.

– Не могу точно объяснить, но я почему-то во всё это верю. А после того как Игорь про деда Лианы рассказал, так и подавно.

– Знаешь, я тоже. Это всё, конечно, невероятно. Но, наверняка, так всё и было. Мне теперь очень хочется попасть в это самое «Сердце планеты». Хотя это не первоочередная задача и придётся отложить её в долгий ящик. Вот когда не будем знать, чем заняться, может быть и подобьём всех махнуть туда. Посмотрим, что там и как. Хотя, может там уже следов и не осталось. А если и остались, мы можем не отличить их от второй волны колонизации. Да и что они нам могут сказать? Найдём скрижали, на которых написано: всё было так, так, и так? – сказала Крис.

– Не знаю, но всё равно интересно. Неужели колонизаторы второй волны не находили тут ничего странного? – сказал Валера.

– Говорят, здесь есть местное население. Про них почти ничего не известно. Может быть, это потомки тех самых колонизаторов? – предположила Крис.

Они открыли калитку и, войдя в сад, аккуратно прикрыли её за собой.

– Зачем здесь калитка? – удивился Валера.

– От животных. Наверняка, они любят тут попасть. Раньше всё плато было обнесено забором, видел? С той же целью. Но, как сдавать начал, наверное, стало сложно поддерживать хозяйство. Постепенно всё приходит в запустение, – сказала Крис.

– Слушай, тут что-то не сходится, – вернулся Валера к прежней теме, – Лука один просидел на острове, и сохранил и память и рассудок. С нами говорит, как будто это всё недавно было. А они взяли и одичали? Не вышли, когда люди опять прилетели, не поздоровались...

– Валера усмехнулся.

– А кто тебе сказал, что они одичали? Вовсе нет. Может они просто не контактные? У них своя жизнь. Их практически незаметно. Поэтому колонизаторы их просто игнорировали. Мы с Сюз пытали Лиану на эту тему. Но она и сама мало что знает.

– Не очень-то хорошо получилось, планета занята оказывается... Слушай, так это получается, что существует как минимум три человекоподобных расы? А я до недавнего времени думал что одна, наша. И все так думают. Ну, это если местные, это отдельный вид, – сказал Валера.

– Не знаю, – Крис подошла к ближайшей яблоне и сорвала красное с зелёным боком яблоко, – а может это не разные расы, а одна?

– В смысле? – удивился Валера.

– Ты не обращал внимания, что на всех планетах освоенных людьми растут яблоки? Ну ладно бы их завозили и рассаживали. Может, это и делают, но обычно какие-то местные сорта всё равно присутствуют.

– Никогда не задумывался.

– Вообще флора и фауна очень похожи. Я много где успела побывать, по работе.

– Да уж, в этом что-то есть, – сказал Валера.

– На десятках освоенных планет всё повторяется. В большей или меньшей степени, но повторяется. Даже воздухом можно дышать. Состав абсолютно подходит. И нет вирусов, которые начинают уничтожать пришельцев. Хоть раз-то такое должно было произойти. Но нет. Как будто, эти планеты заранее приготовили и ждали, пока человечество их освоит, – сказала Крис.

– Кто приготовил? – удивился Валера.

– Я просто рассуждаю. Мне давно это покоя не даёт. Очень всё это странно.

– А если посмотреть с другого бока, прям кардинально! Что если Лука спятил? – Валера обернулся, чтобы убедиться, что его никто не слышит, – и всё то, что он нам наговорил, это его большое воображение за много лет превратило его фантазии в правду. Он, правда, думает, что так и было. А всё остальное просто совпадения или факты, у которых есть другое объяснение, просто мы его пока не знаем.

Крис широко улыбнулась.

– Может и так! Давай фруктов наберём! – сказала она.

Они быстренько прошлись по саду и набрали разных фруктов. Там были яблоки, груши, сливы – это то, что Валера знал, и ещё несколько видов необычных плодов, которые он не знал, но Крис взяла их, и он подумал, что раз они растут в саду за забором, значит, Лука ими питался и прожил полторы тысячи лет. Выходит, всё нормально.

Они пошли обратно. Игорь составил несколько пеньков в кучу, и получилось что-то вроде стола. Только с дырками. Вася уже разложила сверху то, что у них было с собой. Достали и положили фляжки с водой. Лука сидел и как будто дремал. Валера и Крис подошли и, стараясь не шуметь, стали выкладывать фрукты на стол. Но Лука всё равно услышал и открыл глаза.

– Подкрепиться собрались? Ну-ну, это дело хорошее.

– Присоединяйтесь, – сказала Василиса.

– Нет, спасибо, – он протянул руку и нащупал лежащий рядом хлеб, который дал ему Валера, – сегодня я буду только вот этим питаться. Ничего не могу с собой поделывать.

Он отломил мякиш и, засунув в рот, стал медленно пережёвывать. Он, видно, всегда медленно и задумчиво жевал. Они посчитали это за сигнал и набросились на еду. Пища была не очень разнообразной, так, перекусить на ходу. Фрукты, правда, добавили ощущений. Можно сказать, что десерт.

Когда они поели и стали убирать со стола, а ребята перетаскали пеньки обратно, Лука, глядя на их сборы, сказал:

– Куда теперь собираетесь? Обратно?

– Не знаю, – сказал Игорь, – было бы интересно посмотреть на чудо техники, вернее на то, что от него осталось, поближе.

– Это можно. Я когда один оказался, сначала пользовался инструментом, который был. Потом, когда от него ничего не осталось, стал его делать сам, беря железо где только мог. Разбирал технику, приборы, двери, лестницы. Пока, наконец, железо не закончилось или не истлело. На станции остались только бетонные стены. Внутри пещеры бетон сохранился. По крайней мере, когда я там в последний раз был. Как сейчас – не знаю. А до шпидля вы добратесь не сможете. Кабели, которые к нему шли, я вытащил, насколько смог, дальше они уже уходили в тело горы и были залиты раствором. К самому шпидлю доступа нет. Предполагалось, что он на века. Ну, хотя, так и получилось. Даже на тысячелетия, если вам верить.

– Мы бы всё равно хотели посмотреть. Интересно своими глазами, – сказал Игорь.

– Идите вверх, всё время прямо. Не ошибётесь. Увидите вход в большую пещеру, это он и есть. Снаружи уже ничего не напоминает о станции, но внутри, коридоры более-менее сохранились. Но, как я уже сказал, я там всё обглодал за столько лет.

– Вы не пойдёте с нами?

– Нет, куда уж мне? Я вон, до сада еле дохожу. Хотя, конечно, с удовольствием бы посмотрел в последний раз как там и что... – он задумался, – да нет, глупости, идите сами.

Они подхватили рюкзаки и пошли в гору, куда он им указал. Подъём был довольно крутой, и, похоже, они шли уже не по старой дороге. Она, видно, здесь шла наверх уже серпантинном, потому что периодически им попадались ровные участки, пересекающие их путь под прямым углом.

Уже прилично разогрело, и Солнце начало припекать. Дело было к полудню. Они запыхались от подъёма и сильно пропотели, когда, наконец, вышли на очередное плато, в два раза меньше предыдущего. В противоположном его конце был огромный зёв пещеры. Плато было вырезано из камня, часть склона была снята, чтобы получилась горизонтальная площадка. Землю нанесло только местами и немного. Видно, гуляющий на возвышенности океанский ветер, не давал грунту возможности закрепиться как следует. Они пошли по каменной площадке к тёмному входу в пещеру. Следов деятельности человека, кроме самой площадки, пока не наблюдалось. Сама пещера выглядела вполне естественного происхождения. Они подошли к самому входу. Высота была не меньше десяти метров. Изнутри дул лёгкий ветерок. Видно, это был не единственный вход, и воздух заходил откуда-то ещё.

Все достали фонари и, включив их, отправились внутрь. Первые десятки метров следов человеческой деятельности по-прежнему не было. Потом, постепенно, они стали появляться. Они заметили ровные куски поверхности на стенах пещеры. С каждым шагом их становилось всё больше и больше, и они становились всё ровнее и ровнее. Через сто метров начались ответвления в более мелкие коридоры, они заглянули в парочку, но решили их не исследовать, потому что там не было ничего интересного. Через полкилометра туннель повернул резко вправо и пошёл вверх.

Потом ещё раз повернул вправо и по ощущениям пошёл в обратном направлении, но опять же вверх. В лицо им вполне ощутимо дул ветер и не было сомнений, что они скоро выйдут наружу. Впереди уже маячил свет, и наконец, они вышли в огромный зал, одна стена у которого отсутствовала, и с этой галереи открывался великолепный вид на остров, на залив и на океан.

Наверное, это был раньше главный зал, откуда осуществлялась связь. Но следов от этого уже не осталось, зато остались другие следы. Здесь без сомнения кто-то жил раньше. Возле одной стены было заброшенное полуразвалившееся жилище, у другой нечто похожее на загон для скота, были здесь и дрова, сложенные аккуратной поленицей, и ещё пара хозяйственных построек.

– Похоже, наш новый знакомый раньше обитал здесь, – сказал Валера.

– Да, неплохое место для медитации и наслаждения одиночеством, – поддержал его Игорь и подошёл к тому месту, где раньше были панорамные окна.

Морской ветер был тёплым и приятным, хотя и дул здесь довольно сильно.

– Вот почему пещера такая сухая, – сказал Василиса, – её продувает насквозь.

В душе они надеялись, что этот узел связи можно будет как-то использовать. Ну не сразу, может, придётся найти специалистов, поработать над восстановлением, а потом послать сигнал на Землю. Может, это и не решит всего, но всё же шанс. Особенно сильно на это рассчитывала Крис. Несмотря на то, что она уже включилась в местную жизнь, про своё задание она помнила, как и Сюз. Передать весточку своему начальству они не теряли надежды, хотя и пришлось отложить это в долгий ящик. Но это была просто пещера. И где-то наверху огромный шпиль, уходящий в небо. Использовать это не было никакой возможности. Памятник истории.

Из главного зала в стороны было несколько выходов. Валера пошёл к одному из них и заглянул внутрь.

– Смотрите! Это интересно!

Все подошли к нему. В помещение проникало довольно много света, но они ещё подсветили фонарями. Все стены были изрисованы батальными сценами. Сражались люди и, как было понятно по рогам и хвостам, бесы. Сражались в рукопашной, используя холодное оружие.

– Вот где наш дедушка, возможно, предавался фантазиям и придумывал свои истории. А потом и сам в них поверил, – сказал Валера.

– Ты что? Ему не поверил? – удивилась Василиса, – я вот поверила. Может, он всё это видел.

– Сначала вроде поверил, – ответил Валера, – но больно уж всё это невероятно, чем дальше, тем больше сомневаюсь.

В центре помещения было старое кострище. Наверное, Лука разжигал здесь костёр и как пещерный человек занимался наскальными рисунками.

– Всё это очень странно и немного жутковато, – сказала Крис, – но если бы нам было нужно тайное убежище, то этот остров подходит как нельзя лучше. Если уж за столько лет сюда никто не заглянул, даже тогда, когда планета активно колонизировалась. Никто не заметил эту, торчащую вверх, металлическую штуку.

– А нам не нужно? – спросил Валера.

– Да пока нет, – улыбнулась Крис, – нас, вроде, никто не ищет, сокровища прятать нам не нужно. Но если что, мы будем знать, где укрыться.

– У острова уже, вроде бы, есть хозяин, – сказала Василиса.

– Ну не думаю, что он будет возражать против компании, если будет жив, – ответил Игорь, – к тому же, неизвестно сколько ему осталось.

– Судя по обстановке, в последнее время он сильно сдаёт. Сначала переехал вниз, но и там всё постепенно приходит в упадок, – задумчиво сказала Крис, – очень жаль, ведь самый старый человек во вселенной, но, похоже, ему и правда немного осталось.

Крис оказалась права. Когда они вернулись к домику на плато, Лука сидел на прежнем месте, но уже не дышал. Глаза его были открыты и смотрели вдаль, на губах была лёгкая улыбка. Вообще, его старое и сморщенное лицо было счастливым. А в руке была зажата горбушка хлеба.

– Как будто бы он нас ждал, – грустно сказала Василиса, – а дождался и умер.

– Возможно, так и было, – ответил Игорь, – ему очень хотелось увидеть людей, и именно вера в то, что рано или поздно его найдут, позволила ему продержаться так долго.

– Надо бы его похоронить, – сказал Валера и пошёл искать лопату.

Они закопали его недалеко от дома. Холмик выложили камнями, которые в изобилии были сложены по периметру огорода – побочный продукт земледелия. Прикатали большой и плоский камень и водрузили его в изголовье.

Игорь нашёл плоскую дощечку и ножом вырезал на ней крупно: «Лука», и пониже и помельче: «Самый старый человек во вселенной, прожил 1500 лет в одиночестве и не спятил».

– Про спятил, мне кажется, лишнее, но всё равно это вряд ли кто-нибудь прочтает, пускай будет так, – сказала Вася, повертев в руках табличку.

Они прислонили её к камню, служившему надгробием, и плотно вдавили в землю, чтоб не сдуло ветром. Василиса нарвала цветов и положила на могилку. Они встали вокруг и помолчали.

– Никто ничего не хочет сказать? – спросила Крис.

– Я хочу! – неожиданно для себя сказал Валера, – Лука! – начал он и замолчал, собираясь с мыслями, – мы были знакомы совсем недолго, но то сомнение, которое ты в нас заронил, останется с нами навсегда. Мы не знаем, правду ты нам сказал или это были твои одинокие

фантазии. Но лично я буду пытаться это проверить и докопаться до истины. Ты ждал нас полторы тысячи лет. И дождался. Эта встреча похожа на чудо. И для нас, и тем более, для тебя. Спи спокойно, ты это заслужил.

Валера замолчал. Ему показалось, что он высказался слишком пафосно, и теперь ему было немного стыдно. Все тоже молчали.

– Ну что? Пойдёмте домой? – сказал, наконец, Игорь, имея в виду Левиафан, – к закату хотелось бы успеть. Обрадуем наших друзей, что завтра их ждёт пляжный отдых.

– Да, здесь нам делать больше нечего, – согласилась Василиса и первой подхватила с земли свой рюкзак. Остальные последовали её примеру.

Глава 9

Вернувшись на Левиафан, все дружно решили, что высадку будут осуществлять утром, потому что уже почти стемнело. Вечером, собрав всех в кают-компании, Игорь рассказал всему экипажу о том, что произошло на острове и об их неожиданной встрече со старцем. Поскольку, оставшаяся команда узнала это с их слов, и не видели старика сами, для них этот рассказ оказался менее убедительным. Для остальных, это была просто история. Хотя, возможно, взгляд со стороны был более трезвым. Скепсис продолжал расцветать, пока неожиданно не заговорил Сан Саныч.

– Легко откинуть то, что кажется вам невероятным и невозможным. Но то, что происходит с нами сейчас, год назад тоже было невероятно и невозможно.

– Сан Саныч, ты что-то знаешь об этом? – заинтересовался Валера.

– Немного. Но, наверное, если ты захочешь стереть из истории какое-то событие, до конца это сделать не получится. Всё дело в том, что если ты вложишь в это достаточно сил и средств, правда может стать вымыслом. Не потому, что про неё забыли, а потому, что всех убедили в другой версии. А тех, кто говорит как было на самом деле, даже при наличии доказательств, просто не будут слушать и считать сумасшедшими.

– Но зачем? И кому это нужно? – спросил Валера.

– Это уже второй вопрос. Давай сначала разберёмся с первым. Есть ли какая-нибудь информация о встрече с инопланетной расой и войне с ней? – сказал Сан Саныч.

– Ну и? – спросил Валера.

– Есть! И многие ученые пытались это доказать, – сказал Сан Саныч.

– Успешно? – спросила Сюз.

– Это как сказать. Доказательства, может, были и успешными, но вот карьера их на этом быстро заканчивалась. Притом, что существует множество учёных и псевдоучёных, которые порой выдвигают просто бредовые теории и пытаются их отстаивать всю жизнь. И при этом живут вполне нормально, и даже имеют определённое признание, какой бы бред они не несли. Но стоит тронуть эту запретную тему, как конец публикациям, конференциям и всему, что сопровождает научную деятельность. Причём, это сводится не к нулю, а к минусу. Как будто кто-то хочет, чтобы ты вообще никогда не поднял головы, чем бы впоследствии ни занимался.

– Но зачем? – возмутился Валера.

– Как зачем? Чтобы другим неповадно было. Чтобы никто в эту тему не лез, – сказал Сан Саныч.

– Так значит, все об этом знают?

– Ну, не то что бы. Слухи в научном мире ходят. Я сам многое слышал, но никогда не вникал. Не моя тема, да и мало ли о чём болтают. Теперь вот жалею.

– А что конкретно слышал? – не унимался Валера.

– То, что в истории много нестыковок и противоречий. И произошли они уже в информационную эру, когда все данные были и бережно сохранялись. И если возникает нестыковка, то это вряд ли оттого, что рукопись была утрачена, или неверно истолкована. Не те времена. Это значит, что кто-то сознательно в это влез и подправил. И многие энтузиасты пытаются докопаться до истины, – сказал Сан Саныч.

– И что же известно? – спросил Валера.

– Я же говорю, что никогда не интересовался. Слышал, что была встреча с инопланетянами и война. Но принимал это за бред. Теперь, конечно, так не думаю.

– Мне всё-таки кажется, что на такой масштабный обман никто бы не решился, – усомнилась Сюз.

– Да? А что вы раньше знали про эту планету? Знали, что здесь была война с колонистами, и они ушли в подполье? Большинство людей об этом даже не догадывается, – сказал Сан Саныч.

– И какой вывод? – спросил Игорь.

– А вывод, – откинувшись в кресле, начал Сан Саныч, – что раз эти данные пристально отслеживаются и тщательно вычищаются, значит, есть те, кто знает правду, и следит за тем, чтобы информация не просочилась и не распространилась. А это полностью меняет картину. Это означает что война не забытая, а скрываемая. Это уже умысел.

– Но ведь информация всё равно просачивается? – сказал Валера.

– Просачивается, но главное, чтобы она не набрала критическую массу и не начала распространяться стихийно и бесконтрольно. Тогда она всегда будет маргинальным направлением. Для этого и опускают людей в научном сообществе, чтобы никто с именем голос не подал, – сказал Сан Саныч.

– Интересно, узнаем ли мы когда-нибудь правду, – неожиданно подала голос Машка.

– Может и узнаем, – ответил ей Сан Саныч, – когда знаешь что искать, факты вдруг сами начинают плыть тебе в руки. Может они, и раньше плыли, да ты их игнорировал. А теперь, я не исключаю, что мы будем периодически находить подтверждения этой теории. Проблема в том, что отдельно-то могут знать многие. Но вот как это сделать достоянием человечества? Это неизвестно. Тут нужны какие-то из ряда вон решения.

– А может, и не нужно ничего знать? Может, во всём этом есть смысл? – неожиданно высказался Игорь, – Я не говорю, что все решения, принимаемые наверху верны, но возможно, это тот случай, когда людям и не стоит помнить про ту войну. Может, там есть что-то такое, про что действительно стоит забыть? Стереть из истории человечества?

– Может и так, – подытожил Сан Саныч, – но в нас любопытство всё равно уже разбужено, и лично мы будем пытаться, по возможности, узнать правду. А вот просветить всё человечество, при всём желании, мы не сможем, даже если и будет что рассказать. Так что, предлагаю на сегодня эту тему закрыть и всем лечь спать. Завтра высаживаемся, проводим несколько дней на берегу и отплываем по маршруту.

– Кстати, у Луки там остался большой сад, – сказал Игорь, – думаю, стоит сделать вылазку за фруктами. Для этого, наверное, стоит взять с собой шагоход.

– Хорошо, на вахту заступаю я и Сюз, а завтра утром нас сменят Крис и Валера, вы всё-таки уже были на острове.

– А в середине дня мы заступим, – сказал Игорь, – Вась, ты не против? Или покупаться хочешь?

– Мало ли что я хочу, я за справедливость. Конечно, заступим, – сказала Вася.

Следующий день был похож на выходной в раю. Они валялись на пляже, купались, когда надоело, формировали группу и шли вглубь острова за фруктами. За день они сделали несколько рейсов и в итоге в обители Луки побывали все без исключения. Только глядя на его ветхий домик и могилу, все вдруг проникались мыслью, что он прожил здесь полторы тысячи лет в одиночестве.

И если вчера они это слышали, то сейчас имели возможность прочувствовать, до глубины души. Это вызывало некий душевный трепет. Остров производил впечатление совершенно безопасного и уютного места. Да так оно и было. Левиафан стоял в надводном положении посреди бухты, лодки периодически плавали туда-сюда, то фрукты перевезти с берега, то наоборот продукты для обеда на берег.

Царила полная беззаботность и расслабленность. Но незаконченное дело и тревога о судьбе Лианы незримо витали в воздухе. Покупались, позагорали, пора и дальше двигаться. Так что, на третий день вечером, когда они все собрались в кают-компанию, единогласно было решено продолжать путь.

Но это оказалось не так-то просто. Они поплыли к выходу из залива в надводном положении, когда вдруг, перед самым носом Левиафана раздался взрыв. Затем ещё один. Стреляли не по ним, а по курсу их хода. Напротив залива стояли два больших корабля. Было совершенно очевидно, что они здесь по их душу. Кто это такие и как их нашли, было неизвестно, но для всех было совершенно очевидно, что они слишком расслабились.

Лодку вёл Сан Саныч, он тут же замедлил ход и остановился.

– Не попробуем уйти? – спросил вбежавший в рубку Игорь.

– Они нас ждали, – ответил Сан Саныч, – значит, готовы к возможным действиям. Мы не знаем, как они вооружены. Вдруг они нас и под водой легко достанут? Они стреляли по курсу, значит, пока не хотят нас топить. Подождём немного.

– Наше вооружение не сможет потопить такие громадины, даже плазменная пушка не справится, – сказал Игорь.

– Как знать, я на свалке потопил почти такой же из обычной. У плазменной-то мощи побольше будет, – сказал Сан Саныч.

– Там тебе повезло, – сказал Игорь, – хотя это тоже не военные корабли. Плохо то, что их два. Мы стрельнём по одному, но даже если нам улыбнётся удача, со второго могут успеть нас потопить. С какого стреляли, ты не заметил?

– Нет. Я их вообще увидел после взрыва. Моя вина. Расслабился, – виновато сказал Сан Саныч.

– Ничего, выкрутимся, – подбодрил его Игорь, – оружие у нас хорошее, главное вовремя и точно его использовать. Как думаешь, кто это такие?

– Мы видели большой корабль один раз, на свалке. Как нам теперь известно, он у них не единственный, Папаша с ними регулярно торгует. Это наверняка эти, как их... дай бог памяти... – Сан Саныч задумался.

– Сибариты? – подсказал Игорь.

– Да, они самые! – кивнул Сан Саныч, – по крайней мере, мы незнаем других общин, которые плавают на таких больших кораблях и ничего не боятся.

– Сибариты? – раздался от входа в рубку голос Руди, – тогда я в деле. У меня к ним есть неоплаченный счёт.

– Что предлагаешь? – повернувшись к нему, спросил Игорь.

– Пока не знаю, ещё не разобрался в ситуации, – ответил Руди, – о, кажись парламентарь, – он ткнул пальцем в экран.

И правда, от одного из кораблей отделился катер и поплыл к Левиафану. Катер был маленьким по сравнению с кораблём, но по сравнению с Левиафаном, он был вполне приличных размеров. И даже отсюда было видно, что он тоже вооружён.

– Бьюсь об заклад, они положили глаз на нашу лодку! – сказа Руди, – план такой, когда они подплывут, старайтесь чтобы их лодка находилась на линии огня, всё время между нами и основными кораблями. Я пойду на переговоры и постараюсь попасть на этот катер.

– Зачем? – удивился Сан Саныч.

– Я захвачу лодку, – хищно улыбнулся Руди, – и мы сможем, укрывшись за ней, вести огонь. Как только поймете, что я побеждаю, стреляйте по левому кораблю, мне кажется, он наиболее опасен. Будет хорошо, если попадёте в рубку управления. Она большая и является хорошей мишенью.

– Ты уверен в том, что собираешься делать? – спросил Игорь.

– Конечно! – ответил Руди, – дело рискованное, но когда было иначе?

– Это уже не варвары с топорами, тут дело посерьёзнее будет, – сказал Сан Саныч.

– Понятное дело! Те дикари вообще были как подарок в упаковке, а теперь придётся хорошо поработать, – сказал Руди, – пойду встречу гостей, – и он вышел из рубки.

– У меня тут появилась шальная мысль, – сказал задумчиво Сан Саныч, – а вдруг Руди подсадной? Может это его друзья и он нас им сдаёт? Может он им и сообщил как-то где мы?

– Скоро мы это узнаем, другого плана всё равно пока нет. Если он начнёт резать людей на лодке, значит свой, – сказал Игорь, – но я, честно говоря, думаю, что с ним всё в порядке. Иначе это был бы слишком сложный план. Мы не настолько ценны, даже не смотря на наличие такой классной лодки.

– Лучшей на планете! – сказал Сан Саныч.

– Пусть даже и так. Не думаю, что кто-то оказался бы способен повернуть такую операцию с привлечением такого высококлассного агента, как Руди, – сказал Игорь.

– Надеюсь, ты прав. Пушку пока не стоит выдвигать? – спросил Сан Саныч.

– Конечно, нет, рано ещё. Они же её увидят, – сказал Игорь.

– Да, вот только выползает она медленно, не меньше минуты. Пока створки разгерметизируются и разъедутся в стороны, пока турель поднимется, всё это время.

– Думаю, что если Руди справится, то минута у нас будет, прежде чем они поймут в чём дело. Кто стрелять будет? – спросил Игорь.

– Издеваешься? Ты, конечно! Кто у нас военный? Я ещё тот стрелок, – сказал Сан Саныч.

– Договорились! – Игорь уселся во второе кресло и нажал кнопку на пульте.

Передняя панель отъехала в сторону, и оттуда вылез джойстик управления плазменной пушкой с экраном. Экран был пока тёмным, ведь пушка была не активна и покоилась внутри корпуса Левиафана. Игорь тестировал всё вооружение Левиафана, правда из тех орудий где идёт расход снарядов не стрелял, экономил боеприпасы, которые взять было просто негде, если они закончатся. Но вся эта система стрельбы была ему в целом знакома.

Руди уже давно стоял на корпусе лодки и ждал катер с парламентарями. Тот не спеша приближался. Те, кто управлял катером, похоже, вообще не знали, что у Левиафана есть вооружение. Они встали идеально, подплыв спереди и перекрыв подводную лодку от своих кораблей.

– Что вам нужно? – прокричал Руди, сложив руки в рупор.

– Плыви сюда, мы тебе всё объясним, – прокричал ему кто-то с катера.

Руди нерешительно помялся озираясь, потом стала стягивать с себя сначала рубаху, потом разулся и так же нерешительно стал снимать штаны. Снятые вещи он очень аккуратно сворачивал и складывал на корпусе лодки.

– Как-то он себя странно ведёт, – сказал Сан Саныч.

– Он молодец, – сказал Игорь, – он играет роль. Пусть считают, что он их боится.

В дверях рубки появилась Вася.

– Что, чёрт возьми, происходит? – спросила она, – сначала Руди приказал нам ждать в кают-компании и сказал, что всё выяснит сам. Это было разумно, всем не стоило сразу сюда лезть. Потом пробегая мимо сказал что всё в порядке, и вы тут со всем разберётесь, но ничего не пояснил. Мы не можем сидеть в неизвестности. Что случилось?

– Нас подловили, мы думаем что это Сибариты, – сказал Сан Саныч, – сейчас мы работаем по плану и будем благодарны, если нам не будут мешать, ситуация серьёзная. Пусть все вооружатся и будут в боевой готовности готовы к эвакуации. Это всё, иди!

Вася перевела взгляд с Сан Саныча на Игоря и увидела, что тот с ним согласен. Она вздохнула и разочарованно вышла из рубки. Но то, что происходит на мониторах, она тоже хорошо успела разглядеть.

– Ну мы и вояки, – с досадой сказал Сан Саныч, – забыли что у нас команда есть. Ни тревогу не объявили, ни оповестили о нападении. Мой промах.

– Некогда рефлексировать, – сказал Игорь, – мы оба хороши, просто ситуация начала развиваться слишком стремительно.

За это время Руди успел проплыть половину пути до катера. Время начало томительно растягиваться. Все взгляды были сосредоточены на одиноком пловце, который мерно рассекал

волны. Сан Сыныч видел, как Руди плавает, и сейчас было очевидно, что тот не спешит. Как будто специально накапливает напряжение и оттягивает начало переговоров.

Игорь сидел и рассматривал вооружение катера. Оно было хорошим, но не очень серьёзным. Больших калибров и современного оружия там не было. Самой опасной была скорострельная пушка на носу. Её патроны вполне могли пробить корпус Левиафана. Пулемёты на корме и крыше рубки серьёзной опасности для их лодки не представляли. Но на больших кораблях было вооружение и посерьёзней.

Людей на катере Игорь насчитал восемь человек. Это те, что стояли на виду. Возможно, их было больше. Даже, скорее всего, было больше. Но вот насколько? Игорь подумал, что возможно стоит поддержать Руди огнём из лазерных винтовок с корпуса лодки, но сам он отойти не мог, а просить об этом кого-то другого времени не было. Руди уже карабкался по сброшенной ему верёвочной лестнице. Оставалось придерживаться первоначального плана.

Руди взобрался на борт и встал перед незнакомцами. Они ему что-то говорили, он им что-то отвечал. Вся его фигура свидетельствовала о том, что ему холодно и страшно. Казалось, что они на Левиафане даже видят, как он дрожит.

Было похоже, что Руди озвучили совершенно неприемлемые требования. Он сложил руки на груди и, упав на колени, пополз к стоящим перед ним людям. Когда он оказался уже совсем близко, ближайший к нему человек с автоматом наперевес пнул его ногой в грудь. Руди упал и покатился по палубе. Стоящие полукругом люди заржали.

– А он часом не переигрывает? – спросил Сан Саныч у Игоря, – мне кажется, это уже перебор.

– Думаю, что он прекрасно понимает, что делает, – ответил Игорь, – он чувствует атмосферу и ждёт удобного момента. Они сейчас его совершенно всерьёз не воспринимают. Он их сумел в этом убедить. Ты сам посмотри! – Игорь ткнул пальцем в экран.

И правда, на катере атмосфера изменилась и стала гораздо более расслабленной. Сначала пришельцы не знали чего ждать от обитателей подводной лодки, но пообщавшись с Руди, они решили, что им досталась лёгкая добыча, и потеряли бдительность. Поэтому никто из них даже не понял, когда Руди успел встать, как оказался за спиной у одного из их солдат, как успел свернуть ему шею и, прикрываясь им как щитом, из его же автомата длинной очередью уложил всех находящихся на борту.

Победа могла бы быть очень лёгкой, но на катере оказался спрятан десантный отряд, как видно приготовленный для штурма, если он вдруг понадобится. На палубу стали выпрыгивать, как черти из табакерки, люди в чёрном. И их было значительно больше, чем те, которых они видели сначала. Уложив ближайших последними патронами из обоймы, Руди сиганул за борт.

– Не пора вмешаться? – спросил Сан Саныч.

– Нет! Смотри, катер сносит, сдвинь Левиафан так, чтобы мы были по-прежнему за ним, – сказал Игорь.

Сан Саныч прильнул к штурвалу.

Игорь вдруг заметил, что его пальцы, лежащие на джойстике, сильно вспотели.

Не прошло и минуты, как стрельба раздалась с кормы катера. Похоже, что Руди был уже там. Люди в чёрном, которые были группой захвата нападавших, метались по катеру и не понимали что происходит. Только количество трупов у них под ногами постепенно прибавлялось. Руди тоже видно практически не было. Лишь иногда мелькало обнажённое тело, то тут, то там.

– Как бы мне не хотелось быть его врагом, – пробормотал Сан Саныч, – думаю можно стрелять, а то дождёмся, пока они сами шмальнут. Я слегка выведу лодку из-за катера.

– Давай, – кивнул ему Игорь и нажал кнопку, которая отрывала люк плазменной пушки.

За то короткое время, пока они выдвигали пушку и выводили Левиафан из-за катера, Руди похоже закончил свою кровавую жатву. Игорь как раз целился в большую рубку левого корабля, когда краем глаза увидел, как Руди подошёл к носу катера и помахал им рукой, мол всё

в порядке. После чего повалился вперёд и, кувыркнувшись через перила, полетел вниз. Даже во время его падения было видно, что из спины у него торчит что-то длинное и блестящее.

Игорь выстрелил. Большой голубой шар с электрическим гулом метнулся в сторону корабля, и его рубка просто лопнула, как переспевший арбуз, упавший на бетон. А Игорь в это время уже кричал в переговорное устройство.

– Женя, в рубку срочно!

После чего понёсся по коридору к выходу, раздеваясь на бегу. В голове вертелась только одна мысль: «Маша нас всех убьёт!».

Сан Саныч тут же увёл Левиафан за катер. Он увидел, что второй корабль тоже начал двигаться. Он сдавал задом и под углом, и Сан Саныч понял, что тот хочет укрыться за тем, который они подбили из плазменной пушки. А на подбитом начинался пожар и дым начинал столбом подниматься в небо.

Раздался лёгкий звук сервоприводов, Женя уже вбегала на шагоходе в рубку.

– Сядь за штурвал, – крикнул ей Сан Саныч, – я за пушку!

Женя, не останавливаясь, прыгнула с шагохода, и приземлилась точно в кресло, шагоход от импульса её прыжка повалился и с грохотом обрушился на пол рубки.

– Что делать? – быстро спросила Женя.

– Держи Левиафан за катером, чтобы он был между нами и теми кораблями, – сказал Сан Саныч.

– Ясно, – сказал Женя, держась за штурвал. Левиафан был уже под её полным контролем.

Игорь уже прыгнул в воду и мощными гребками плыл в сторону катера. Он видел все манёвры кораблей и Левиафана. Всё шло по плану, кроме того, что Руди возможно погиб. Но тот оказался не так-то прост. Он болтался возле катера, без сознания, но сцепив руки железной хваткой между собой, и вокруг верёвочной лестницы.

Игорю не сразу удалось его оторвать. Когда это получилось, он решил не плыть сразу на Левиафан, а установить контроль над катером, потому что оказавшись без управления, он начинал дрейфовать по волнам. Если его понесёт к берегу, то Левиафан окажется как на ладони. Нужно было выстрелить по второму кораблю и погружаться. Но сказать он этого не мог, оставалось надеяться, что Сан Саныч сообразит. Взяв Руди на плечо, он полез по верёвочной лестнице наверх, что оказалось, очень непростой задачей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.